ДОСТОЕВСКІЙ.

(ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ).

К. СЛУЧЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская, 33.
1889.

ДОСТОЕВСКІЙ.

(ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ).

К. СЛУЧЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская, 33.
1889.

Дозволено цензурою. Спб. 13 Февраля 1889 г.

«Только обносившіяся идеи очень понятны».

Ѳ. Достоевскій.

«На дняхъ я читалъ «Мертвый Домъ» и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина.»

Графъ Л. Н. Толстой.

«Достоевскій чувствовалъ мысли».

Н. Страховъ.

Въ очертаніи личности и таланта Ѳедора Михайловича Достоевскаго (1821 † 1881), перешедшаго, на шестьдесятъ первомъ году жизни, въ очень и очень далекую исторію, есть, несомнѣнно, нѣчто «героическое», какъ это было замѣчено однимъ изъ лучшихъ друзей покойнаго Н. Страховымъ. Мысль эта чрезвычайно вѣрна, хотя и брошена вскользь; можетъ быть было бы правильнѣе сказать не героическое, а «богатырское», и этому имѣются нѣсколько весьма вѣскихъ, неоспоримыхъ причинъ.

Велики и внушительны лики умершихъ борцовъ двѣнадцатаго года—но героическимъ, по преимуществу, является только Кульневъ; еще виднѣются между нами недавніе предводители нашихъ войскъ за Балканы—но героическимъ перешелъ въ народъ одинъ только Скобелевъ. Крупны, очень крупны по размѣрамъ своимъ, однолѣтки нашей литературы, люди сороковыхъ годовъ—Гончаровъ, графъ Л. Толстой, Островскій, Тургеневъ, Писемскій, Григоровичъ, но именно богатырскимъ пошибомъ отличается только Достоевскій и, можетъ быть, но въ меньшей степени, графъ Л. Толстой.

Богатырь, какъ таковой, сложился въ сознаніи народа на нѣсколькихъ простыхъ, основныхъ, неизмѣнныхъ, очень схожихъ для всѣхъ богатырей міра, особенностяхъ. Богатырь обя-

зательно служитъ всю свою жизнь одной какой либо идеѣ; зарождаясь на почвѣ народной, будучи вполнѣ «кряжевымъ», а не «наноснымъ» человѣкомъ, онъ выходитъ въ путь ранымъ рано, еще не зная именно куда направиться; по странной, необъяснимой, но постоянной случайности, больше чутьемъ, чѣмъ расчетомъ, беретъ направленіе вѣрное; онъ совершаетъ свое дѣло цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ подвиговъ; движимый безконечнымъ, часто заносчивымъ самолюбіемъ, проистекающимъ изъ увѣренности въ «правотѣ» своего дѣла и «необходимости» совершить его, онъ дѣлаетъ оплошности, и самъ обусловливаетъ свои неудачи; фантастическое всегда окружаетъ богатыря, онъ постоянно движется въ чудесномъ, бѣсовскомъ, что не мѣшаетъ ему, однако, дѣтски-набожно вѣрить въ силу крестнаго знаменія; богатырь, всегда честный до глупости, тамъ гдѣ онъ проходитъ, непремѣнно оставляетъ за собою широкою полосою безконечные ряды искреннѣйшихъ благословеній и неистовыхъ проклятій, и если онъ изнемогаетъ, порою, въ борьбѣ, то только для того, чтобы, поднявшись, идти вновь по тому же направленію, опять-таки, отдѣльными порывами великой души и силою мысли, обладающей всѣми особенностями механической и физической силы, даже не властной сама въ себѣ.

Всѣхъ этихъ перечисленныхъ особенностей богатырства, если не считать другихъ, нѣтъ вовсе въ сотоварищахъ Достоевскаго по оружію, въ названныхъ выше представителяхъ нашей литературы. Всѣ они безспорно совершили свое, всѣ они, каждый самъ по себѣ, замѣчательные люди, всѣ они боролись, опять-таки каждый по своему, ошибались, изнемогали, шли опять, но ихъ вело впередъ, прежде всего, художественное творчество, бывшее само по себѣ цѣлью, тогда какъ для Достоевскаго художественное творчество являлось всегда только средствомъ дѣйствительной, настоящей, богатырской борьбы. Если бы Достоевскій оставилъ въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ только то что онъ оставилъ, то онъ, какъ художникъ, уступилъ бы первенство Л. Толстому, Гончарову и Тургеневу, взятая же въ совокупности дѣятельность Достоевскаго совершенно единственная, исключительная и не только въ нашей, но и во всѣхъ другихъ литературахъ, онъ стоитъ особнякомъ. «Онъ», какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Н. Страховъ, «безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ».

Очень вѣрно замѣчено было О. Миллеромъ, что «судьба, за-

хотѣвъ быть Достоевскому мачихой, на самомъ дѣлѣ воспитала его какъ строгая, но попечительная мать». Отъ этого, конечно, покойному было не легче, но мы-то пользуемся, и сами того не замѣчая, какъ вкусно и обильно, плодами этого жесткаго, часто жестокаго попечительства. Стоитъ, для уясненія этой мысли, припомнить только нѣкоторыя, основныя черты жизни Достоевскаго, т. е., тѣ главныя краски которыя накладывала она на него, и давала ему для передачи словомъ и дѣломъ, чтобы убѣдиться въ правотѣ сказаннаго нами.

Началась, зародилась эта исключительная, особническая жизнь въ Москвѣ; это уже краска, и не изъ послѣднихъ. Москва—въ этомъ одномъ цѣлая палитра красокъ; жизнь на Божедомкѣ — а кто не знаетъ чѣмъ были въ страшные годы Іоанновской Руси—кроткіе милостивцы божедомы и божедомки; жизнь въ больницѣ для бѣдныхъ, гдѣ отецъ покойнаго служилъ врачемъ,—въ этомъ второе странное сопоставленіе съ основными чертами будущей дѣятельности Достоевскаго; божедомы и больница для бѣдныхъ — это цѣлыя гнѣзда страждущихъ умовъ и сердецъ. Затѣмъ: лѣтнія поѣздки въ Троицкую лавру, Марьина Роща, няня Алена Фроловна, дурочка Аграфена, дѣтскія игры въ дикихъ, въ Робинзона, страхъ предъ темнотою, и, поверхъ всего этого — честная, работящая, любящая семья, истинно русская, набожная, въ которой тѣлеснаго наказанія не существовало и въ которой готовился къ жизни, за одно съ однимъ изъ братьевъ, почти однолѣткомъ, этотъ Богомъ намѣченный мальчикъ «весь огонь», какъ говорили его почтенные родители.

Тамъ-же, на первыхъ порахъ, въ Москвѣ, какой-то не оставившій намъ своего имени учитель русскаго языка, съумѣлъ вызвать въ братьяхъ Достоевскихъ любовь къ своему предмету, къ литературѣ, беззавѣтное, искреннѣйшее поклоненіе Пушкину и направлялъ, вѣроятно, постоянное чтеніе мальчиками Вальтеръ-Скота, Квентина Дорварда, Ваверлея. Тамъ-же и тогда-же, въ самой ранней юности, видѣли братья Достоевскіе, въ шиллеровскихъ «Разбойникахъ», безсмертнаго Мочалова и слышали его огненную декламацію.

Но, Москва была кратковременна; слѣдовалъ переѣздъ въ Петербургъ и поступленіе въ инженерное училище. Въ этомъ опять замѣтна благодать судьбы: не въ какое либо другое военное училище, а именно въ лучшее по духу изъ училищъ, поступаетъ Достоевскій; онъ самъ, уже подъ конецъ своей жизни, перечислялъ виднѣйшихъ птенцовъ его, товарищей былаго времени,

хорошо знакомыхъ по именамъ всѣмъ и каждому: Тотлебена, Кауфмана, Радецкаго, Леера, Сѣченова, Григоровича, Трутовскаго. Если-бы инженерное училище забивало людей — такое перечисленіе достойныхъ именъ было-бы немыслимо и не напрасно вспоминается въ исторіи училища о томъ, что, еще задолго до поступленія въ него Достоевскаго, по настоянію Великаго Князя Николая Павловича, впослѣдствіи могучаго Императора и подъ его отвѣтственностью, опредѣленъ былъ въ училищѣ преподавателемъ профессоръ Арсеньевъ, удаленный изъ университета происками печальной памяти Рунича и Магницкаго. Это можетъ служить характернымъ признакомъ направленія даннаго училищу и то «проклятіе школѣ», которое заявляетъ одинъ изъ героевъ «Записокъ изъ подполья» послано было Достоевскимъ конечно не по адресу училища, о которомъ самъ онъ любилъ вспоминать. Но уже здѣсь, въ училищѣ, на зорѣ жизни, мальчикъ-юноша, «весь—огонь», ставшій одинокимъ, вѣчно удаляющійся отъ товарищей, вѣчно что-то пишущій, въ особенности по ночамъ, находится въ такомъ настроеніи духа, что сообщаетъ брату своему о томъ что ему кажется будто: «міръ нашъ—чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшною мыслью» и даже помышляетъ о самоубійствѣ! Толчекъ данный юношескимъ стремленіямъ тѣмъ неизвѣстнымъ учителемъ русскаго языка, толчекъ который обусловилъ раннее поклоненіе Пушкину и упорное чтеніе, продолжаетъ, однако, дѣйствовать и въ училищѣ, только В. Скота смѣняютъ Гомеръ, Шиллеръ, Ж. Зандъ, Бальзакъ и любовь Достоевскаго къ поэзіи становится «страстною». Едва-ли справедливо мнѣніе Н. Булича, что именно инженерное училище, съ его, яко-бы, розгами и другими истязаніями, навѣяло на Достоевскаго первыя мрачныя картины, что, даже, семейныя воспоминанія мальчика-юноши не представляютъ ничего отраднаго, что на всей его позднѣйшей дѣятельности отразился недостатокъ серьезнаго образованія и что образованіе это было «жалко и поверхностно».

На 21 году жизни Достоевскій произведенъ въ инженеръ-прапорщики; цвѣтъ лица его уже болѣзненный, «земляной», слышались сухой кашель и хрипота. Слѣдуютъ кратковременныя увлеченія: рестораномъ Лерха, билліардною игрою, знаменитымъ Листомъ, пѣніемъ Рубини и, рядомъ съ этимъ, опять-таки въ качествѣ благодѣтельной школы для будущей дѣятельности, сожительство съ врачемъ для бѣдныхъ, изученіе бѣдныхъ людей, пролетаріевъ столицы, знакомство съ какимъ-то мужскимъ прижи-

валкою Келеромъ и его разсказы о темныхъ личностяхъ, поддонкахъ столицы, о людяхъ, послужившихъ позже прототипами многихъ дѣйствующихъ лицъ въ романахъ и повѣстяхъ Достоевскаго. Благодаря безконечной безшабашности въ денежныхъ расчетахъ, имѣетъ, наконецъ, мѣсто первое знакомство Достоевскаго съ ростовщикомъ! «Хлестаковъ», пишетъ Достоевскій въ 1844 г. своему брату, «соглашался идти въ тюрьму только благороднымъ образомъ. Ну, а если у меня штановъ не будетъ, будетъ-ли это благороднымъ образомъ?» Неизвѣстно гдѣ теперь тогдашніе первые труды Достоевскаго за это смутное, неопредѣленное время его жизни, драмы «Марія Стюартъ» и «Борисъ Годуновъ, гдѣ переводъ «Донъ-Карлоса»? можетъ быть Достоевскій самъ забылъ о тѣхъ путяхъ, по которымъ направилъ рукописи, потому что онъ уже увлекся другимъ дѣломъ, потому что исподволь готовилась и созрѣвала первая самостоятельная работа его, поглощавшая и затмѣвавшая его для самого себя — готовились «Бѣдные люди»

Первый шагъ Достоевскаго въ литературу, сдѣланный «Бѣдными людьми», чрезвычайно характерный, красочный шагъ. Долго готовились «Бѣдные люди», можетъ быть еще въ училищѣ. Наконецъ, они готовы, но авторъ не хочетъ отдавать ихъ въ журналъ, потому что это значило-бы, пишетъ онъ брату, «идти подъ ярмо не только главнаго maitre d'hôtel'a, но даже всѣхъ чумичекъ и поваренковъ, гнѣздящихся въ гнѣздахъ, откуда распространяется просвѣщеніе». «Если», пишетъ онъ дальше, «мнѣ не удастся напечатать ихъ самому, я можетъ быть повѣшусь». Тѣмъ не менѣе приходится, однако, отдать работу въ «Отечественныя Записки» и ждать рѣшенія редакціи; если работы не примутъ «такъ можетъ быть въ Неву!» И вотъ на этомъ-то темномъ состояніи его духа, мрачнаго невѣденія и крайней нужды, неожиданно подстраивается судьбою, замѣчательная, единственная сцена. Въ четыре часа утра вбѣгаютъ къ нему, къ ожидающему и обуреваемому мыслью о самоубійствѣ, вбѣгаютъ, со слезами на глазахъ, Некрасовъ и Григоровичъ вѣщая побѣду и скоро вслѣдъ затѣмъ, при свиданіи съ Бѣлинскимъ, раздаются вѣскія слова всесильнаго тогда критика: «да вы понимаете-ли сами, что вы это написали! вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать!» «Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни!» говорилъ позже Достоевскій. Литературное имя пріобрѣтено сразу, какъ-бы по манію волшебнаго жезла, и генералы отъ литературы, ему, неизвѣстному

юношѣ, низко поклонились. Развѣ это не краски, развѣ не всерѣшающій толчекъ?

Но вотъ и другая, слѣдующая вслѣдъ за этимъ, не менѣе самостоятельная картина молодой жизни. «Быть тебѣ подъ красной шапкой!» говаривалъ, бывало, сыну-огню покойный отецъ. Въ этомъ заключалось предсказаніе: слѣдовало участіе Достоевскаго въ обществѣ Петрашевскаго и ссылка въ Сибирь, на каторгу. Позже, когда ссылка эта отошла въ давно-прошедшее, покойный, въ отпоръ людямъ, желавшимъ доказывать ему что эта ссылка была грубымъ насиліемъ и несправедливостью, говорилъ: «соціалисты произошли отъ петрашевцевъ. Петрашевцы посѣяли много сѣмянъ» и на вопросъ о томъ: заслужена-ли была петрашевцами ссылка, отвѣчалъ: «справедливое дѣло была наша ссылка. Насъ-бы осудилъ народъ».

23 Апрѣля 1849 года послѣдовалъ арестъ; затѣмъ восемь мѣсяцевъ крѣпости и четыре года каторжныхъ работъ. Опять: сколько красокъ, какая страшная попечительность матери судьбы? призналъ это и самъ Достоевскій когда утверждалъ, что «если бы не эта катастрофа — я сошелъ-бы съ ума». Ссылка, кромѣ того, дала ему драгоцѣннѣйшее въ жизни—у него «явилась идея». Сила этой «идеи» была такъ непосредственно велика и ясна, что уже на Семеновской площади, на эшафотѣ, ввиду куполовъ Введенской церкви, готовясь умереть, Достоевскій сообщалъ стоявшему подлѣ него сотоварищу казни Момбелли о планѣ какой-то повѣсти. «Идея» жизни стала ему такъ ясна, что онъ, отъѣзжая въ каторгу и прощаясь съ А. Милюковымъ, тогда-же завѣрялъ его, что «и въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ еще лучше меня, можетъ достойнѣе меня... Въ эти мѣсяцы я много пережилъ... а тамъ впереди то что увижу и переживу будетъ о чемъ писать». По пути къ мѣсту ссылки, въ Тобольскѣ, жены декабристовъ подарили ему Евангеліе, пролежавшее у него подъ подушкою во все время пребыванія въ каторгѣ! это тоже краска и не изъ послѣднихъ, въ особенности для Достоевскаго.

Сибирь послужила временемъ сосредоточенія; въ каторгѣ пріялъ Достоевскій самаго себя. Толочь алебастръ, вертѣть точильное колесо, сгребать снѣгъ, носить кирпичи, разбирать барку на Иртышѣ, дневать и ночевать съ каторжниками и постичь, какъ и почему, идя къ причастію, всѣ они, эти убійцы и изверги, всѣ, единымъ духомъ, вслѣдъ за словами «но яко разбойника мя пріими», гремя кандалами, склонялись передъ открытою дверью алтаря — это было истиннымъ даромъ Господнимъ и

указующей рукой всей будущей дѣятельности Достоевскаго. Неправду говорилъ Некрасовъ, изобразивъ въ своихъ «Несчастныхъ» подъ именемъ «крота» Достоевскаго; онъ представилъ его «учителемъ» каторжниковъ, тогда какъ, по собственнымъ словамъ Достоевскаго, онъ былъ ихъ «ученикомъ»... «Я до такой степени родня всему русскому, писалъ онъ А. Майкову въ 1856 году, что даже каторжные не испугали меня, это былъ русскій народъ, мои собратья по несчастью». Безконечно много правды въ этихъ словахъ и если, въ 1854 году, десять мѣсяцевъ спустя послѣ выхода изъ каторги, Достоевскій писалъ брату что «тѣ четыре года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу», то позже взглядъ его на эти четыре года измѣнился и Сибирь была Достоевскому—«мила».

Ласкою судьбы было, конечно, и то что Достоевскій возвратился къ дѣятельности какъ разъ ко времени освобожденія крестьянъ. Объявленіе объ изданіи «Времени», написанное имъ, появилось въ самый годъ освобожденія, затѣмъ, съ быстротою изумительною слѣдовали одни за другими: студенческія исторіи (1861), пожары (1862), польское повстаніе (1863) и все то мрачное и постыдное, что потянулось вслѣдъ за ними. Кто не помнитъ этихъ тяжкихъ, тяжкихъ дней государственной и общественной жизни нашей, дней развивавшихся съ прямою, неумолимою, молніеобразною послѣдовательностью изъ либеральнаго фразерства въ рядъ покушеній, до взрыва во дворцѣ, до 1-го Марта. Какъ разъ съ наступленіемъ этого тяжелаго времени, началъ дѣйствовать Достоевскій и краски жизни сгущались передъ нимъ и роились, образовывая подвижныя, свѣтовыя явленія, какъ въ вертящихся кругахъ и звѣздахъ волшебныхъ фонарей. Въ либеральной печати, заигрывавшей тогда съ революціей и Польшею, въ воинствующей литературѣ, началось тоже съ казней всѣхъ тѣхъ кто сколько нибудь, и почему бы то ни было, не подходилъ къ «программѣ дѣйствія». Н. Страховъ, одинъ изъ казненныхъ, перечисляетъ тѣхъ, что погибли и записаны на черныя доски: Розенгеймъ, Н. Львовъ, Погодинъ, Случевскій, Кусковъ, позже, при обострѣніи отношеній, Костомаровъ и Тургеневъ. Кто не помнитъ травли совершенно одинаковой на откупщика Утина съ одной стороны и на А. Майкова, Вс. Крестовскаго, А. Григорьева, О. Миллера, Н. Лѣскова, В. Клюшникова, Ѳ. Берга, В. Авсѣенко, Б. Маркевича, А. Милюкова, Д. Аверкіева, Эдельсона съ другой. Весь этотъ безумный періодъ нашего развитія, т. е. развитія нашей интеллигенціи, а не народа, совер-

шился на глазахъ Достоевскаго и нашелъ въ немъ, благодаря необычайному таланту и счастливой подготовкѣ предшествовавшими обстоятельствами жизни, самаго вѣрнаго истолкователя и прорицателя.

Едва-ли вѣрно то, что Тургеневъ былъ первымъ подмѣтившимъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», появившихся въ 1862 году, существенныя черты назрѣвавшаго тогда нигилизма; онъ пріискалъ только имя, кличку, слово, а самая суть была ярко обрисована во «Времени» Достоевскаго значительно раньше, такъ какъ уже въ февральской книжкѣ 1861 года, начата съ нигилизмомъ открытая борьба статьею Достоевскаго «—бовъ и вопросъ объ искусствѣ».

Литературная борьба эта пріобрѣла-бы, несомнѣнно, огромное значеніе, такъ какъ оба лагеря опредѣлились и стояли во всеоружіи одинъ противъ другого, если-бы не совершенно не ожиданное насильственное прекращеніе редактированнаго Достоевскимъ «Времени» и, начатой имъ вслѣдъ за этимъ, погибшей собственною слабостью—«Эпохи». «Время» просуществовало съ января 1861 по 1863 и вслѣдствіе одного изъ любопытнѣйшихъ «крупнѣйшихъ недоразумѣній», когда либо проявившихся въ исторіи нашей цензуры (принятіе статьи «Роковой вопросъ» направленной противъ поляковъ, за статью, яко-бы, сочувствовавшую имъ, ошибка повторенная и «Московскими вѣдомостями»), закрыто. Успѣхъ «Времени» былъ очень большой; маски противниковъ были сброшены и «Время» успѣло уже пріобрѣсти ненависть «Современника» и почти всей зараженной либерализмомъ петербургской печати, какъ вдругъ совершилось его исчезновеніе. Разрѣшенная Достоевскому, послѣ великихъ усилій, въ 1864 году «Эпоха» — не удалась и тогда-то обусловилась для покойнаго тяжкая необходимость уѣхать заграницу: пришлось удалиться отъ долговъ. Съ 1867 по 1871 годъ, жилъ Достоевскій, тогда уже женатый вторымъ бракомъ, заграницею. Не свои долги, а долги брата по изданіямъ выплачивалъ онъ, и какъ выплачивалъ? въ 1867 г., какіе нибудь 125 р. «рѣшительно спасаютъ» его и нарождающуюся семью, а въ 1869 г. приходится продать сюртукъ и Богъ вѣсть съ какимъ трудомъ «достать 2 талера». Не слѣдуетъ забывать, что эти классическіе 2 талера приходилось доставать автору уже отпечатаннаго тогда «Преступленія и наказанія»? Въ довершеніе тягости положенія по добровольной уплатѣ, чужаго, братняго долга, надъ Достоевскимъ тяготѣетъ, повидимому, полицейскій надзоръ,

такъ какъ въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ онъ вынужденъ сказать: «каково-же вынести человѣку чистому, патріоту, предавшемуся имъ до измѣны своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, обожающему Государя, каково вынести подозрѣніе въ какихъ нибудь сношеніяхъ съ какими нибудь полячишками или съ «Колоколомъ».

Но это были уже послѣдніе годы долготерпѣнія. Второй бракъ Достоевскаго принесшій съ собою семью, денежную бережливость и порядочность хозяйства, а затѣмъ вершительное значеніе «Преступленія и наказанія», сдѣлали свое. Четыре года пребыванія заграницею, временно удаливъ Достоевскаго изъ Россіи, положили между нимъ, художникомъ, и тѣмъ, что происходило въ Россіи, какъ объектомъ творчества, то разстояніе, которое совершенно необходимо для созерцанія крупнаго предмета и дали художнику-мыслителю то сосредоточеніе, которое должно лежать въ основѣ всякаго великаго творчества. Въ этомъ смыслѣ и тутъ, слѣдовательно, судьба сослужила покойному тяжкую, неоцѣненную службу. Достоевскій возвратился въ Россію въ іюлѣ 1871 г. и тутъ начало втораго, важнѣйшаго, славнѣйшаго періода его дѣятельности; вторая ссылка его— заграничная жизнь—кончилась.

Въ двадцатилѣтіе съ 1861 по 1881 годъ, Достоевскій неуклонно стоялъ лицомъ къ лицу со своими многочисленными, бывшими тогда въ силѣ, какъ въ правительствѣ такъ и въ литературѣ, противниками. Въ теченіи этого страшнаго двадцатилѣтія кипучая, безустанная литературная дѣятельность его, недовольствуясь для изображенія того, что онъ мыслилъ и чувствовалъ, на встрѣчу развивавшимся съ быстротою изумительною событіямъ, мѣрною, эпическою поступью повѣстей и романовъ, нашла себѣ, помимо ихъ, другой, уже испытанный, болѣе подходящій, болѣе быстрый способъ выраженія- въ редактированіи журналовъ. «Журналъ—великое дѣло» писалъ онъ еще въ 1861 году; въ концѣ семидесятыхъ доказывалъ онъ это на дѣлѣ вторично. Всѣхъ опытовъ редактированія было у Достоевскаго—четыре. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ сказано—«Время» и «Эпоха», въ 1873 г.—«Гражданинъ» князя Мещерскаго, съ 1876 года «Дневникъ Писателя». Послѣдній нумеръ «Дневника» совпалъ со смертію автора, такъ что типографскія чернила подсыхали одновременно съ тѣмъ какъ остывалъ Достоевскій. Въ свободные отъ редактированія годы этого двадцатилѣтія, мощно, почти безъ роздыха, выдвинулись одни за

другими: «Преступленіе и наказаніе», «Идіотъ», «Бѣсы», «Подростокъ» и, наконецъ, одновременно съ «Дневникомъ Писателя» прозвучало долгимъ стономъ и теплою молитвою послѣднее слово Достоевскаго—«Братья Карамазовы».

Всѣ перечисленныя писательскія и редакторскія работы, не смотря на все ихъ разнообразіе, помѣчены у Достоевскаго однимъ пошибомъ, служили одной идеѣ и вызывали, съ одной стороны, проклятія и скрежетъ зубовный, съ другой— неисчислимыя благословенія и благодарности. Сквозь тѣ и другія личность Достоевскаго, становившаяся, мало по малу, великою силою, проростала все четче и ярче и обусловила, наконецъ, то что сложилось неожиданно для всѣхъ на пушкинскомъ праздникѣ, въ Москвѣ, въ 1880 году.

Достоевскій отправился въ Москву на открытіе памятника Пушкину въ качествѣ депутата отъ Славянскаго общества. Все что имѣлось тогда въ наличности литературно-учено-художественной интеллигенціи, собралось въ нашу первопрестольную, чтобы присутствовать при открытіи памятника великому поэту, собирателю русской мысли, русскаго творчества, еще недавно подвергавшемуся самому площадному посмѣянію. Тутъ, движимые разными чувствами, имѣлись представители всѣхъ партій — тѣхъ, что смѣялись и тѣхъ, что благоговѣли; откликнулись на торжество и славянскія земли; былъ кое-кто и изъ Европы. Заранѣе приготовили свои рѣчи И. Аксаковъ и И. Тургеневъ, ѣздившій для этого даже въ деревню. Въ общественномъ сознаніи наступала тогда важная минута перелома и всѣ шашки перепутались. Съ одной стороны «Московскія Вѣдомости», которымъ покланялись еще такъ недавно, сдѣлались предметомъ острой и несправедливой вражды, съ другой—либерализмъ, дошедшій до крайнихъ предѣловъ бѣснованія, причинившій столько бѣдъ, съеживавшійся передъ ясными уликами своего безсилія и вызывавшій въ обществѣ крайне опасное и несправедливое недовѣріе къ литературѣ вообще — все еще не сдавался. Еще глухо орудовала крамола и оставалось довольно времени до трагедіи цареубійства.

Вотъ въ эти-то смутные дни полной разшатанности общественной мысли, сильнѣйшаго недовѣрія къ себѣ всѣхъ и каждаго, при совершенной безпомощности духа, народился пушкинскій праздникъ и никто рѣшительно не могъ знать и не предвидѣлъ, что именно будетъ онъ значить и есть ли достаточныя причины для того, чтобы ему быть? здѣсь простое число мѣсяца

и года, хронологія, годовщина, безтѣлесное воспоминаніе—явились могучими двигателями жизни и, такъ называемая, случайность сдѣлалась причиною одного изъ самыхъ типическихъ воплощеній судьбы.

Передъ лицемъ представителей всѣхъ оттѣнковъ мысли Достоевскій своею огненною рѣчью неожиданно далъ этому празднику душу, объяснилъ смыслъ и указалъ, такъ сказать, не одинъ, а множество якорей, на которыхъ разшатанный и обуреваемый духъ русскаго человѣка, можетъ укрѣпиться и успокоиться. Дѣйствительнымъ откровеніемъ явилась эта рѣчь Достоевскаго и сдѣлала изъ праздника настоящее торжество, что и было тогда-же почувствовано всѣми. И. Аксаковъ, едва только смолкъ голосъ Достоевскаго, сказалъ немедленно: «я не могу говорить послѣ рѣчи Ѳедора Михайловича; все что я написалъ только слабая варіація на нѣкоторыя темы этой геніальной рѣчи», и назвалъ ея тутъ-же «событіемъ»; болѣе осторожный П. Анненковъ, подчиняясь одушевленію тысячной толпы, замѣтилъ: «вотъ что значитъ геніальная характеристика! она разомъ порѣшила дѣло»! Что въ этой рѣчи имѣлось на лицо гораздо болѣе чѣмъ «характеристика» сознавала и толпа, вынудивъ Достоевскаго снова взойти на каѳедру и увѣнчавъ его вѣнкомъ, не для него приготовленнымъ. Послѣ долгаго царства отрицанія и сомнѣній историческая рѣчь Достоевскаго явилась первою, и въ тѣ мрачные дни, единственною положительною, богатырскою силою, явилась, въ устахъ вѣчеваго человѣка, прочною почвою родной земли, вмѣсто болотистыхъ хлябей фантастики и далеко не безкровнаго служенія чуждымъ намъ порядкамъ и идеаламъ.

Упоминаніемъ о пушкинской рѣчи можно-бы было кончить съ перечисленіемъ наиболѣе выдающихся чертъ жизнеописанія покойнаго, потому что тѣ нѣсколько мѣсяцевъ что оставалось ему жить, были потрачены имъ почти исключительно на объясненіе своей рѣчи, въ отпоръ ея лжетолкователямъ. Начавъ свое служеніе литературѣ въ Москвѣ, съ горячей, страстной любви къ Пушкину, Достоевскій и завершилъ его, послѣ долгаго скитанія, въ Москвѣ-же и на памяти того-же Пушкина. Но для болѣе полнаго уясненія справедливости мысли о томъ, что не мачихою, а попечительною матерью была Достоевскому жизнь, слѣдуетъ сказать еще немногое, одно на предметъ его семейной жизни, другое на счетъ его болѣзни.

Объ основномъ бытѣ родительской семьи, въ раннемъ его дѣтствѣ, семьи, давшей такія хорошія основы и такія яркія

краски на палитру Достоевскаго уже упомянуто. Прямымъ продолженіемъ, такъ сказать, завѣтомъ отошедшихъ отца и матери, живою преемственностью этихъ хорошихъ, первыхъ дней жизни, была глубочайшая дружба Ѳедора Михайловича съ умершимъ ранѣе его братомъ Михаиломъ, дружба свѣтившая обоимъ долгіе, долгіе годы. Эта дружба, сама по себѣ, служила богатѣйшимъ матеріаломъ, цѣлою музыкою для множества искреннѣйшихъ, лучезарнѣйшихъ страницъ произведеній Достоевскаго. Несомнѣнно, что изъ всѣхъ положительныхъ мотивовъ души человѣческой, въ противовѣсъ широко развѣтвляющимся въ работахъ Достоевскаго мотивамъ отрицательнымъ, именно чувство дружбы, ея сладкое, бальзамическое дѣйствіе, проступаетъ гораздо чаще и настоятельнѣе другихъ и что въ тѣхъ именно страницахъ, которыя трогаютъ читателя глубже другихъ, грѣютъ его и услащаютъ—добрымъ Самаритяниномъ является чувство дружбы и служенія другому человѣку до полнаго самозабвенія и творческаго самоотрицанія. Въ этихъ страницахъ свѣтится добрая память покойнаго брата.

Много дала Достоевскому судьба и при устройствѣ собственнаго очага. Хотя Ѳедоръ Михайловичъ былъ къ женскому обществу вообще равнодушенъ, «имѣлъ къ нему даже какую то антипатію» и только изрѣдка, какъ это значится въ одномъ изъ писемъ его изъ заграницы въ 1862 году, способенъ былъ «чего добраго приласкать молодую венеціанку въ гондолѣ», но тѣмъ не менѣе онъ былъ женатъ дважды. Первая жена его, вдова Исаева, умерла въ 1864 году; «она любила меня безпредѣльно», пишетъ Достоевскій, «я любилъ ее тоже безъ мѣры, но мы не жили съ ней счастливо». На второй женѣ, А. Г. Сниткиной, женился онъ въ 1867 году. На сколько покойный не былъ счастливъ съ первою, на сколько жизнь съ нею, при бездѣтности и глубокой нуждѣ, благодаря, прежде всего, сказочно-невѣроятной безпорядочности самого Ѳедора Михайловича въ веденіи денежныхъ дѣлъ, являлась тяжелѣйшимъ періодомъ его существованія, на столько вторая жена внесла съ собою въ небогатый рабочій домъ его—счастья, расчетливости, и сдѣлала его не бездѣтнымъ. Только вслѣдъ за ея появленіемъ улыбнулась Достоевскому судьба и онъ вступилъ во второй, лучшій, но и послѣдній періодъ своего существованія. Двѣ яркія параллели двухъ браковъ, равно какъ дружба къ брату, тоже дали свое на широкую палитру покойнаго.

Наконецъ, перечисляя выразительнѣйшіе мотивы изъ кото-

рыхъ сложилась жизнь Достоевскаго, одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ, если не важнѣйшее, и, во всякомъ случаѣ, далеко не въ той малой мѣрѣ какъ это обыкновенно признается, должна занять извѣстная болѣзнь его—падучая. Самъ Достоевскій думалъ, и былъ увѣренъ въ томъ, что припадки ея открылись у него только въ Сибири. Воздѣйствіе ее на нравственное бытіе покойнаго, на работу мощнаго, остраго ума, должно было сказываться необыкновенно сильно. При вѣчномъ, безустанномъ наростаніи и движеніи мыслей его, иногда неожиданные, иногда предчувствуемые припадки болѣзни, приключавшіеся въ былые годы приблизительно разъ въ мѣсяцъ, а иногда и по два раза въ недѣлю, а въ послѣднее время непревышавшіе 7—8 разъ въ годъ, должны были рвать эти мысли въ клочки и придавать имъ, по окончаніи припадка, совсѣмъ особое освѣщеніе. Несомнѣнно, что именно въ этой болѣзни слѣдуетъ искать основной ноты множества мотивовъ его творчества, ихъ, отчасти, лунатическаго освѣщенія, непропорціональности фигуръ, и, если можно такъ выразиться, той скомканности дѣйствія которая обусловливаетъ то, что, иногда въ одинъ день, скучивается въ его романахъ столько событій, что легко въ нихъ запутаться. Съ этой-же точки зрѣнія очень справедливымъ оказывается замѣчаніе А. Милюкова будто: «созданные Достоевскимъ образы и положенія представляются намъ не въ чисто объективномъ, можно сказать «бѣломъ свѣтѣ», какъ лица Гончарова или Тургенева, а въ какомъ-то особенномъ освѣщеніи, точно сквозь цвѣтное стекло». Но если болѣзнь обусловливала эти особенности за то она-же, какъ противуположеніе жизни, вызывала высокохудожественные контрасты въ творчествѣ, которые отмѣчаютъ очень многія главы и страницы печатью безсмертія.

Въ «Идіотѣ» имѣется подробное описаніе ощущеній болѣзни. Въ эпилептическомъ состояніи его (Мышкина), говоритъ авторъ: «была одна степень, почти передъ самымъ припадкомъ, когда вдругъ среди грусти, душевнаго мрака, томленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ его жизненныя силы. Ощущенія жизни, самосознанія, почти удесятерялись въ эти моменты, продолжавшіеся какъ молнія. Умъ, сердце, озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ: всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства, какъ-бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной гармонической радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти

проблески были только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды) съ которой начинается самый припадокъ. Эта секунда была, конечно, невыносима... Мгновенія эти», продолжаетъ Достоевскій, «были только необыкновеннымъ усиленіемъ самосознанія, если бы надо выразить это состояніе однимъ словомъ—самосознанія и самоощущенія самаго непосредственнаго... Минута ощущенія, припоминаемая и разсматриваемая уже въ здравомъ состояніи, оказывается въ высшей степени—гармоніей, красотой, даетъ неслыханное и неожиданное дотолѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и восторженнаго молитвеннаго слiянія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни... Въ этотъ моментъ становится понятнымъ необычайное слово о томъ, что времени больше не будетъ!»

Одинъ изъ важнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей работъ Достоевскаго, докторъ Чижъ, говоритъ что это описаніе эпилептической ауры — войдетъ въ учебники психіатріи. Это много, конечно, но въ этомъ описаніи есть и нѣчто неизмѣримо бо̀льшее: въ немъ, если можно такъ выразиться, какъ-бы отражается литературно-художественная аура творчества самого Достоевскаго. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не придетъ на мысль сблизить и сопоставить этотъ «мгновенно воспламеняющійся мозгъ», это «удесятереніе ощущеній и самосознанія», это «разрѣшеніе всего мрака, всѣхъ безпокойствъ мгновеннымъ умиротвореніемъ въ гармонической радости, въ полномъ разумѣ и въ окончательной причинѣ», это «само-ощущеніе въ высшей степени непосредственное», и, наконецъ, смыслъ этого «неслыханнаго и негаданнаго примиренія и восторженнаго молитвеннаго слiянія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни», при полномъ пониманіи того что «времени больше не будетъ»,—съ тѣмъ что имѣется на лицо въ твореніяхъ Достоевскаго? И этотъ синтезъ, и это примиреніе, и это молитвенное слiяніе—составляютъ, дѣйствительно, заключительныя строки крупнѣйшихъ изъ его твореній и на нихъ теплится вѣчный, кроткій, неугасающій свѣтъ. какъ-бы отъ того непостижимаго бытія когда «времени больше не будетъ».

Чрезвычайно важныя критико-психіатрическія изслѣдованія работъ Достоевскаго докторомъ В. Чижомъ, о которыхъ придется вспомнить впослѣдствіи еще разъ, заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, очень наглядный списокъ душевно-больныхъ, разныхъ типовъ, выведенныхъ въ сочиненіяхъ Достоевскаго. Количество ихъ слѣдующее: въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» — шесть, въ «Преступленіи и наказаніи» и «Бѣсахъ» — по четыре, въ «Идіо-

тѣ», «Подросткѣ» и «Хозяйкѣ»—по три, въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ»—два и, наконецъ, почти во всѣхъ, по одному. В. Чижъ считаетъ что почти 1/4 дѣйствуюшихъ у Достоевскаго лицъ — душевно-больные. Совершенно соглашаясь съ В. Чижомъ въ принципѣ, нельзя, однако, не заподозрить точности этой 1/4 части; причисленіе къ психически-больнымъ Раскольникова и Алеши Карамазова, во всякомъ случаѣ нѣкоторая натяжка и, по крайней мѣрѣ, подлежитъ оспориванію или значительной оговоркѣ.

Не легко жилось покойному подъ вѣчнымъ гнетомъ, въ постоянномъ ожиданіи припадковъ неизлечимой болѣзни; не легко было ему отъ вѣчной нужды и горя жизни, отъ каторги и отъ пребыванія заграницей, отъ издателей и цѣнителей. Не легко было ему, но намъ-то приходится признать, не только суровую благодатность для таланта Достоевскаго этихъ испытаній, но и пользоваться ихъ безцѣнными, исключительно сочными плодами.

Еще не успѣла во всѣхъ своихъ отголоскахъ любви и ненависти, по всей Россіи, замолкнуть пушкинская рѣчь; еще не пересохли типографскія чернила послѣдняго нумера «Дневника Писателя», какъ автора ихъ обоихъ — не стало. Онъ умеръ 28 января 1881 года, отъ разрыва сердца. Смерть и похороны Ѳедора Михайловича далеко не лишены дѣйствительнаго, какъ-бы легендарнаго, величія.

Въ тяжкія минуты жизни покойный имѣлъ обыкновеніе раскрывать на удачу то именно Евангеліе, хранящееся въ его семьѣ какъ святыня, которое подарили ему, по пути въ каторгу, жены декабристовъ, и которое, во всю четырехлѣтнюю ночь каторги, постоянно лежало у него подъ подушкою, и, раскрывъ его, читалъ открывавшуюся главу. На этотъ разъ, смертельно больной, онъ поручилъ это сдѣлать женѣ и обозначилось мѣсто: Матвѣя глава III, ст. 15.—«Іоаннъ же удерживалъ его... но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду.»

— Ты слышишь, сказалъ умирающій женѣ, не удерживай! значитъ я умру!

Въ первый день болѣзни Ѳедоръ Михайловичъ исповѣдался и причастился, на третій вечеромъ въ 8 час. 40 мин. его не стало.

И тогда то, на четвертый день послѣ смерти, увидѣлъ Петербургъ, а за нимъ и вся родная земля, нѣчто небывалое. Маленькая квартира покойнаго, на углу Ямской и Кузнечнаго переулка, въ которой жилъ онъ когда-то, еще юношей, о чемъ,

въ силу какой-то непонятной случайности, онъ позабылъ, такъ жизненно, такъ безъ оглядки, такъ сердечно глядѣлъ онъ только впередъ,—маленькая квартира эта сдѣлалась, на краткій срокъ, психическимъ центромъ Россіи. Кто, совершенно ясно, кто только чаяніемъ, кто съ молитвою, кто съ злорадствомъ, всѣ сознавали что тутъ, съ разрывомъ одинокаго, маленькаго сердца, сразу порвалась большая многомилостивая, еще не все сотворившая сила. Какая то пустота, сразу сказавшаяся въ общественномъ сознаніи, въ общественномъ сердцѣ, потянула, словно по возникшему отъ этого сквозняку, въ узкія улички несмѣтную толпу народа. Совершенно также безъ приготовленія какъ сказана была Достоевскимъ пушкинская рѣчь, состоялись, безъ приготовленія, торжественнѣйшія похороны частнаго человѣка, когда либо видѣнныя не только въ Россіи, но, по внутреннему ихъ значенію, и во всемъ свѣтѣ. Пышнѣе, конечно, хоронила Америка Вашингтона, не совсѣмъ частнаго человѣка; риторичнѣе высился, подъ тріумфальною аркою звѣзды, пышный катафалкъ Виктора Гюго—но внутреннихъ слезъ покаянія, но мыслей обращенныхъ въ себя, съ несомнѣннымъ характеромъ молчаливой, очистительной исповѣди, не было — въ такомъ количествѣ и правдѣ— нигдѣ и никогда. Сотни траурныхъ съ лентами вѣнковъ и депутацій, неумолчные многочисленные хоры, пѣвшіе духовныя пѣсни, тысячи народа, потянулись медленно текущею рѣкою по Владимірской улицѣ и Невскому къ Александро-Невской лаврѣ. Всѣ эти, многочисленные, неизвѣстно откуда приходившіе ко гробу покойнаго, ночью и днемъ, таинственные читальщики и чатальщицы псалтыри, какъ на дому, такъ и въ соборѣ; всѣ эти люди толпы въ небогатыхъ одѣяніяхъ, сопровождавшіе гробъ, вся эта, такъ называемая, интеллигенція, шествовавшая вмѣстѣ съ ними и, наконецъ, оказавшаяся ко времени похоронъ несомнѣнною увѣренность въ томъ что и Царь, тоже плоть и кровь своего народа, почтилъ осиротѣвшую семью, тогда еще очень нуждавшуюся, матеріальною помощью, — все это вмѣстѣ взятое, по пути въ православный храмъ, являлось какъ бы изображеніемъ въ каплѣ воды того солнечнаго блеска мирнаго и полнаго роднаго единенія, которое всегда мечталось почившему и становилось ему, иногда, такъ ясно, ясно «въ гармонической радости, въ полномъ разумѣ, въ окончательной причинѣ, въ молитвенномъ сліяніи съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни которому суждено наступить тогда—когда времени больше не будетъ...»

Тому чувству сиротства и пустоты, которыя мгновенно сказались въ русскихъ людяхъ со смертью Достоевскаго и обусловили возникновеніе его легендарныхъ, внушительныхъ похоронъ, имѣется очень хорошая обрисовка въ письмѣ графа Л. Толстаго къ Н. Страхову, на предметъ этой смерти. «Какъ-бы я желалъ», пишетъ онъ, «умѣть сказать все, что я чувствую, о Достоевскомъ... Я никогда не видалъ этого человѣка и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ когда онъ умеръ, я понялъ что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ... Все что онъ дѣлалъ было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше... И вдругъ читаю — умеръ. Опора какая-то отскочила отъ меня.»

Вотъ эти-то послѣднія слова — «опора какая-то отскочила отъ меня» — передаютъ, съ художественностью и образностью присущими только графу Толстому, то состояніе духа, которое охватило Петербургъ а, по телеграфу, и всю Россію на слѣдовавшій по смерти Достоевскаго день. Очень, очень много свободнаго мѣста осталось по выбытіи его изъ числа живыхъ, и это чувствовалось потому что: «покойный безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ.»

Если только болѣе или менѣе далекому будущему изслѣдователю подъ силу будетъ возсоздать сложное жизнеописаніе Достоевскаго, то, еще труднѣе, представится работа тому человѣку, который задастся мыслью изучить его произведенія. Въ настоящее время въ критикѣ нашей видятся только крайности, только обрывки, только отдѣльные взгляды людей совершенно противуположныхъ лагерей, при чемъ, по очень мѣткому и поэтическому замѣчанію В. Буренина: «злоба журнальныхъ пигмеевъ царапаетъ гробъ крупнаго литературнаго таланта и неменѣе крупнаго человѣка»... «Не подобаетъ имъ», продолжаетъ онъ, «недостойнымъ развязать ремень его сапога, выставлять его подвиги антипатичными, возбуждающими сожалѣніе»... «Это, господа, стыдно, это даже больше чѣмъ стыдно—это неблагородно». Для того что-бы не возвращаться вторично къ критикамъ этого рода, слѣдуетъ здѣсь-же, до бѣглой характеристики таланта покойнаго, указать главнѣйшихъ недоброжелателей этого таланта и его значенія.

Бѣлинскій точно предчувствовалъ что въ Достевскомъ выростетъ современемъ и оперится врагъ который его, Бѣлинскаго,

одолѣетъ. Горячо привѣтствовавъ юношу на первыхъ шагахъ его литературной жизни, сказавъ (1846 годъ) что въ немъ талантъ «огромный», «блестящій яркою самостоятельностью», что «такого неисчерпаемаго богатства фантазіи не часто случается встрѣчать и въ талантахъ огромнаго размѣра», онъ, немедленно, измѣнилъ къ нему свое отношеніе. Уже въ «Хозяйкѣ», (1848 годъ), разсказъ Достоевскаго показался ему «чудовищнымъ» и онъ не видѣлъ въ немъ «ни одного живаго, простаго слова», и все въ немъ показалось ему «изыскано, натянуто, на ходуляхъ, и фальшиво».

Добролюбовъ, разбирая «Униженныхъ и оскорбленныхъ», (1861 годъ), относился хотя и мягче, но, тѣмъ не менѣе, признавалъ Достоевскаго стоящимъ «ниже эстетической критики», находилъ «бѣдность и неопредѣленность образовъ», «необходимость повторять себя» и «неумѣнье обработать каждый характеръ даже на столько, чтобы хоть сообщить ему соотвѣтственный способъ внѣшняго выраженія».

Какой данъ былъ камертонъ Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ, куда потянули лебеди, туда направились и лебедята, ученики и послѣдователи ихъ обоихъ.

Чтобы не пестрить именами, приведемъ общія заключенія наиболѣе характерныхъ трехъ изъ нихъ: М. Антоновича, П. Никитина и Н. Михайловскаго, писавшихъ около 1880 года, т. е. тогда, когда Достоевскій уже вошелъ въ полную силу и исполнилось вѣщее пророчество о немъ Бѣлинскаго: «много въ продолженіи его, Достоевскаго, поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы».

М. Антоновичъ («Мистико-аскетическій романъ»), находя что Достоевскій писатель, «дореформенной эпохи», потому, будто-бы, что критики Добролюбова, не имѣли на него вліянія, считаетъ, какъ «Братьевъ Карамазовыхъ», такъ и пушкинскую рѣчь— «верхомъ ретроградной тенденціозности»; старецъ-монахъ Зосима, по его мнѣнію, есть «псевдонимъ» Достоевскаго, а самый романъ не романъ, а какая-то глава изъ Четьи-Минеи; въ этомъ романѣ, утверждаетъ онъ, вся наша интеллигенція обрекается Достоевскимъ на то, чтобы идти въ монастырь; онъ говоритъ, что всѣ наши успѣхи въ реформахъ прошлаго царствованія, новый судъ и пр. согласно Достоевскому, только «посмѣшище надъ правдою» и что, будто бы, согласно Достоевскому, одно только и имѣется средство придти къ свободѣ—это пойти въ рабство!

П. Никитинъ (не Ткачевъ-ли?) говоритъ безъ обиняковъ, что исторія Достоевскаго слѣдующая: «въ юности увлекался... съ лѣтами сознал свои заблужденія, раскаялся, отрекся отъ прошлаго и строго осудилъ свои юношескія мечтанія» и что въ этомъ нельзя, конечно, не признать «великаго акта публичнаго самозаушенія». Если въ «Подросткѣ», по мнѣнію П. Никитина, Достоевскій «какъ художникъ, очень и очень не великъ», то «Бѣсы» доказываютъ «отсутствіе въ авторѣ всякой творческой фантазіи, творческое банкротство автора «Бѣдныхъ людей». Далѣе говорится, что внутренній міръ души человѣка доступенъ Достоевскому «только отчасти», и что въ этомъ онъ «мало чѣмъ отличается,—отъ прочихъ романистовъ», что у Достоевскаго нѣтъ «образа живаго человѣка», а имѣется «галлерея помѣшанныхъ», «манекены съ ярлыками характера бреда». П. Никитинъ объясняетъ также, что случай разсказанный въ «Двойникѣ» это, яко-бы, случай съ самимъ Достоевскимъ: въ немъ тоже сидятъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ «не торгуетъ перомъ», а другой «амикошонствуетъ» съ «Гражданиномъ».

Третій изъ цѣнителей Достоевскаго, котораго мы вспомнимъ, это Н. Михайловскій («Жестокій талантъ»). Онъ находитъ, что лица въ «Бѣсахъ» взяты на прокатъ у Стебницкаго и Клюшникова; что, разъигрывая на струнахъ душевной болѣзни нравственно-политическіе «мотивы», Достоевскій даетъ въ «Идіотѣ» даже цѣлые такіе «оркестры»; что, начиная съ «Преступленія и наказанія», Достоевскій становится спеціалистомъ—кладоискателемъ и «находя искру страданія раздуваетъ ее до цѣлаго костра страданій, а самъ любуется да раскаленныя уголья со священнымъ сладострастіемъ подмѣшиваетъ»; что у Достоевскаго въ его произведеніяхъ цѣлые «этажи» мученій, что въ нихъ цѣлый «звѣринецъ» снабженныхъ волчьими клыками и что всѣ фигурирующіе въ романахъ его образы, «придавлены идеями обязательно изобрѣтенными для нихъ авторомъ». Въ другомъ мѣстѣ документально свидѣтельствуется о томъ, что Достоевскій не имѣлъ, будто бы, права ставить людей нечаевскаго процесса типами современной (тогдашней?) русской молодежи и что онъ Н. Михайловскій, совершенно, будто бы, не понимаетъ «съ кого Достоевскій портреты эти писалъ и гдѣ разговоры эти слышалъ?» Для того чтобы быть хотя сколько нибудь ближе къ истинѣ, Н. Михайловскій признаетъ, что если во многихъ романахъ Достоевскаго есть страницы «огромнаго достоинства» и что «о слабости въ немъ художественнаго чутья не можетъ быть и

рѣчи», тѣмъ не менѣе, помимо «жестокости таланта», сказывающейся, яко-бы, во всемъ и вездѣ, читатель, въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» напримѣръ, постоянно «чувствуетъ присутствіе злонамѣреннаго человѣка (Достоевскаго?)», не можетъ не ощущать «чувства брезгливости» и не признать того, что основная, чудовищная идея романа та «что преступная мысль должна быть также наказуема какъ и преступное дѣяніе»? Чудовищности этой идеи, будто-бы лежащей въ основѣ умствованій Достоевскаго, критикъ противопоставляетъ свое вѣское заключеніе, что «вся политика и публицистика Достоевскаго представляетъ одно сплошное шатаніе и сумбуръ и въ немъ самостоятельная черта—не нужная, безпричинная, безрезультатная жестокость». Въ третьемъ мѣстѣ говорится, что «никакого сколько нибудь опредѣленнаго общественнаго идеала у Достоевскаго не было» и что «какъ публицистъ онъ былъ просто путаница, былъ оторванъ отъ живой жизни», что онъ «наименѣе народенъ», что ему вообще была «ненавистна идея общественной реформы», что не мѣшало, однако, тому что, подъ конецъ жизни, «беллетристическій талантъ его отточился до блеска и остроты ножа».

Три названныхъ цѣнителя—М. Антоновичъ, П. Никитинъ и Н. Михайловскій—были только болѣе крупными лебедятами критики, тянувшими вслѣдъ за лебедями въ торжественной процессіи «развѣнчиванія», вытравливанія Достоевскаго нашими псевдо-либералами. Имъ вслѣдъ шуршила и егозила, на всѣ лады и по всѣмъ изданіямъ, мелкая пташка, большею частью безъименные цѣнители. Для обращика этихъ отзывовъ можно привести одинъ, помѣщенный въ 1873 году въ несуществующемъ нынѣ «Сіяніи». Въ немъ сказано, чернымъ на бѣломъ что: «больно видѣть паденіе писателя» въ которомъ сказываются «плачевные результаты ренегатства»; что о «Бѣсахъ», собственно говоря, не стоитъ даже и толковать, а слѣдуетъ ограничиться простымъ «библіографическимъ отзывомъ», какіе дѣлаются, такъ, вѣроятно, думалъ неизвѣстный, но смѣлый критикъ, о поваренныхъ книгахъ и календаряхъ? Онъ же заключаетъ, что къ Достоевскому можно относиться только «равнодушно» или «съ презрѣніемъ, или сожалѣніемъ», такъ какъ онъ, авторъ «Бѣсовъ», «взводитъ клеветы на все живое».

Та пѣна у рта, то, такъ сказать, высовываніе языка, которые сказались при сужденіяхъ о Достоевскомъ въ псевдо-либеральныхъ критикахъ, ясно свидѣтельствуютъ, не въ переносномъ, а въ совершенно физическомъ, или, лучше, механическомъ смы-

слѣ, на сколько были они «придавлены» Достоевскимъ, выросшимъ, къ концу семидесятыхъ годовъ, во всю ширь и мощь своего первостепеннаго таланта.

Приведенныхъ обращиковъ недоброжелательной, тенденціозной и несправедливой, до полнѣйшей нелѣпости, критики — достаточно. Въ противность имъ Достоевскій вызвалъ цѣлый рядъ другихъ, совершенно инаго характера.

Какъ бы переходомъ могутъ служить нѣсколько цѣнителей, болѣе неопредѣленныхъ, робкихъ, какъ-бы недостаточно интересовавшихся Достоевскимъ, или, правильнѣе, болѣе политичныхъ, которые, какъ «ни то, ни се» въ убѣжденіяхъ, какъ пасмурная погода въ природѣ, опредѣленнаго мѣста, относительно Достоевскаго, не занимаютъ, яснаго взгляда на него не имѣютъ, и, не проявляя существованія въ себѣ скелета, являются какими-то мягкотѣлыми. Таковы: П. Анненковъ («Воспоминанія и критическіе очерки»), К. Арсеньевъ («Многострадальный писатель»), Н. Буличъ («Достоевскій и его сочиненія»), Д. Писаревъ («Сочиненія»), Е. Марковъ («Критическія бесѣды» въ «Русской рѣчи»), З-нъ (статьи въ «Библіотекѣ для чтенія») и немногіе другіе.

Окружая Достоевскаго плотнымъ кольцомъ — бронею, какъ великую славу народнаго духа, одинъ другаго поддерживая и дополняя въ защитѣ его свѣтлой памяти и въ разъясненіи глубочайшаго значенія, расположились длинною вереницею его защитники. Вотъ, не совсѣмъ полный, перечень ихъ: Н. Страховъ («Біографія, письма» и пр. и критическія статьи), О. Миллеръ («Матеріалы для жизнеописанія Достоевскаго», «Публичныя лекціи» и критическія статьи), В. Буренинъ («Критическіе очерки»), Вл. Соловьевъ («Три рѣчи въ память Достоевскаго»), В. Чижъ («Достоевскій, какъ психопатологъ»), А. Суворинъ (Очерки и и статьи), А. Милюковъ («Отголоски на литературныя и общественныя явленія» и критическія статьи), Н. Звѣревъ («Рѣчь въ январѣ 1882 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности и статьи въ «Руси»), А. Оболенскій («Оцѣнка идей Достоевскаго», статьи въ «Мысли») С. Андреевскій («Братья Карамазовы,» чтеніе въ Литературномъ обществѣ, 1888 года), Н. Ахшарумовъ (статьи во «Всемірномъ трудѣ») и многіе другіе. Списокъ этотъ былъ бы совершенно не полонъ, еслибы не помѣстить въ немъ имени друга и сотрудника Достоевскаго, покойнаго какъ и онъ, лучшаго критика нашего Аполлона Григорьева и не вспомнить, къ слову, иностранцевъ: Георга Бран-

деса, Франциска Сарсэ и Мельхіора Вогюэ; если бы послѣдніе писали у насъ и были русскими, ихъ вѣскія мнѣнія легли-бы вполнѣ вершительно на чашку вѣсовъ и безъ того уже давно безпрекословно склонившуюся въ пользу Достоевскаго.

Выше приведены были слова сказанныя о Достоевскомъ что онъ былъ не только «крупный литературный талантъ,» гробъ котораго царапаютъ литературные пигмеи, но и «не менѣе крупный человѣкъ», совершавшій «подвиги». Еще раньше сказано было что Достоевскій названъ «настоящимъ героемъ литературнаго поприща». Никакого «подвига» въ обыкновенной писательской дѣятельности, собственно говоря, нѣтъ, и если въ ней приходится замѣтить особенности «подвига», то, значитъ, эта дѣятельность, выходитъ за обыкновенные предѣлы писательства. И дѣйствительно: дѣло въ томъ что, не только литератора-писателя вѣнчала на пушкинскомъ праздникѣ толпа, не только литератора торжественно хоронила въ Петербургѣ «улица», со всею интеллигенціею за одно, а въ томъ, что тутъ, при отрезвлявшемся къ восьмидесятымъ годамъ взглядѣ общества, Достоевскій какъ литераторъ, не смотря на всю силу его таланта, какъ бы ушелъ вдаль, уступивъ мѣсто другому типу, типу «человѣка — дѣятеля», типу которому, пожалуй, и до сегодня не имѣется родоваго названія такъ онъ новъ, исключительно народенъ и многозначущъ. Въ Россіи, и только въ Россіи, съ ея совершенно особенными условіями жизни, могъ подняться во всю свою вышину «человѣкъ — дѣятель Достоевскій». Только Россія и одна только Россія, на столько счастлива, что имѣетъ право надѣяться пріискать со временемъ, родовое названіе для подобныхъ Достоевскому людей.

Выше были упомянуты слова Достоевскаго: «Журналъ дѣло великое!» Онъ, большой романистъ, не сказалъ однако: «романъ великое дѣло!» И дѣйствительно: журналъ, какъ одна изъ формъ воплощенія литературнаго творчества у насъ, въ особенности въ шести—и семидесятыхъ годахъ, гдѣ все кипѣло и баламутилось, былъ, безъ всякаго сомнѣнія, удобнѣе романа для постояннаго, быстраго, не стѣсняемаго особенно сильно условіями эстетическими, обмѣна мыслей между авторами и читателями; «Господи! сколько еще не сдѣлано и не сказано?» писалъ Достоевскій въ 1862 году, въ первый годъ редактированія имъ «Времени». Этому обилію мыслей въ Достоевскомъ, обусловливавшему очень многія особенности его творчества, имѣются нѣсколько тождественныхъ показаній, отдѣленныхъ одни отъ

другихъ на дальнія разстоянія, почти на всю жизнь покойнаго.

Докторъ Ризенкампфъ говоритъ что Достоевскій, въ самые ранніе годы, уже «любилъ поэзію страстно, но писалъ прозою потому, что на обработку формы не хватало у него терпѣнія... мысли въ его головѣ родились подобно брызгамъ въ водоворотѣ... природная, прекрасная декламація его выходила изъ границъ артистическаго самообладанія». Н. Страховъ, тоже давно и хорошо знавшій Достоевскаго другъ его, объясняя, уже по смерти Достоевскаго, собственное заявленіе покойнаго о поспѣшности и недодѣланности многихъ его произведеній, говоритъ, что хотя Достоевскому и жалко было этихъ «недовершенныхъ созданій», но главное для него заключалось всегда въ томъ, чтобы «подѣйствовать на читателей, заявить свою мысль» и, съ одной стороны, добывая средства для жизни, съ другой «постоянно подавать голосъ и не давать публикѣ покоя своими мыслями».

Вотъ этотъ то «не дохватъ» времени для обработки формы, эта необходимость скорѣе и во всемъ, высказаться, эта «недовершенность созданій» и выходъ художника изъ границъ «артистическаго самообладанія», отличавшіе Достоевскаго во всю жизнь, находятъ вѣскія подтвержденія и въ нѣсколькихъ другихъ, весьма замѣчательныхъ отзывахъ.

П. Анненковъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» сообщаетъ о томъ, что Бѣлинскій привѣтствовалъ въ «Бѣдныхъ людяхъ», первое появленіе у насъ «соціальнаго романа»; разбирая «Униженныхъ и оскорбленныхъ» Добролюбовъ, въ 1861 году, въ своей послѣдней статьѣ, призналъ этотъ романъ «ниже эстетической критики», сказалъ, что онъ не больше какъ «журнальная работа», въ которой автору не до обработки, не до строгости къ себѣ въ развитіи мысли, а съ него «довольно того, что хоть кое-какъ успѣетъ бросить эту мысль на бумагу». «Фельетоннымъ» назвалъ этотъ романъ и А. Григорьевъ и, наконецъ, самъ Достоевскій, въ 1864 году, сознался въ справедливости этого отзыва и прибавилъ, что «такъ я писалъ и всю мою жизнь, такъ написалъ все, что издано мною, кромѣ повѣсти, «Бѣдные люди» и нѣкоторыхъ главъ изъ «Мертваго дома».

Ясно что, отъ раннихъ дней юности, покойному прежде всего хотѣлось «скорѣе высказываться». Желаніе высказываться можетъ, конечно, быть присуще и всякому бездарному говоруну

но тогда оно, какъ и самъ говорунъ, остаются при своемъ ничтожествѣ. Но если это желаніе, при постоянномъ, усиленномъ накипаніи мыслей и неустанной работѣ зоркой наблюдательности, да еще въ такой смутный періодъ какъ шестидесятые и семидесятые годы, гдѣ всѣ основы шатались, всѣ отношенія спутывались, имѣетъ мѣсто въ такомъ первоклассномъ діалектическомъ умѣ какимъ, совершенно исключительно, былъ умъ Достоевскаго, при участіи такого художественнаго таланта и такого сердца какими отличался Достоевскій, то это желаніе становилось, такъ сказать, вершительнымъ, законодательнымъ во всей его судьбѣ.

Весьма назидательно видѣть какъ, за все время писательской дѣятельности Достоевскаго, почти за цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, кругозоръ подлежавшій его наблюденію и вызывавшій потребность быстро «высказываться», постоянно, то и дѣло, расширялся и смерть застигла автора именно въ ту минуту когда кругозоръ этотъ, въ силу синтеза долгой жизни, упорныхъ наблюденій и неустаннаго бодрствованія, сталъ особенно широкъ, а оратора стали, наконецъ, слушать. Трудно пріискать, даже у насъ, гдѣ литература насчитываетъ столько безвременныхъ смертей, смерть болѣе безвременную, болѣе обидную; но—фактъ совершился и надо брать его такимъ каковъ онъ есть

Собственно говоря въ Достоевскомъ два человѣка переплевшіеся одинъ съ другимъ тѣсно, неразрывно, органически. Прежде всего онъ — отмѣченный божественнымъ перстомъ художникъ слова, имѣющій въ избыткѣ всѣ необходимыя для этого разнообразныя способности, перечисленіе которыхъ было-бы общимъ мѣстомъ; во вторыхъ онъ—то что называлось въ былое время трибуномъ или вѣчевымъ человѣкомъ, немногіе изъ видовъ дѣятельности котораго, въ силу царящаго вездѣ раздѣленія труда, имѣются на лицо и въ настоящее время и воплощаются въ совершенно различныя, но очень близкія одна ко другой, особи: проповѣдника, оратора, публициста. Этотъ второй человѣкъ, въ концѣ концовъ, въ силу служенія беззавѣтно любимой Россіи, поборолъ въ Достоевскомъ перваго человѣка и именно этою стороною своей дѣятельности исключительно великъ и еще недостаточно понятъ Достоевскій. Тоже вліяніе которое оказалъ на испанское средневѣковое рыцарство Сервантесъ своимъ «Донъ-Кихотомъ», произвелъ Достоевскій на русское псевдо-западничество и quasi-либерализмъ.

Разобрать въ отдѣльности обѣ дѣятельности его—и можно, и

нельзя, но, во всякомъ случаѣ, къ задачамъ этого очерка не относится и относиться не можетъ. Уже и теперь о покойномъ существуетъ цѣлая литература друзей и враговъ, о нѣсколькихъ отзывахъ которыхъ мы уже вспоминали, но она будетъ рости и окончаніе, завершеніе этого роста едва ли предвидится. Вообще-же, по времени, хронологически, въ дѣятельности Достоевскаго сказываются два рѣзко отдѣляющихся отдѣла. Одинъ идетъ отъ «Бѣдныхъ людей» начиная до 1867 года, до второй женитьбы, или, правильнѣе, до появленія въ 1866 году «Преступленія и наказанія»; второй періодъ, послѣдніе пятнадцать лѣтъ жизни, это полный разцвѣтъ творчества и окончательное уясненіе Достоевскимъ себя себѣ и другимъ, синтезъ любопытнѣйшаго бытія, синтезъ выразившійся, наконецъ, въ пушкинской рѣчи и «Дневникѣ писателя».

Въ первомъ періодѣ видятся геніальные розмахи пера. «Я сталъ», говоритъ Достоевскій въ «Дневникѣ» 1877 г., «писателемъ вдругъ, до тѣхъ поръ еще ничего не писавши»; въ этомъ періодѣ наростаніе матеріала чувствъ и мыслей, обильно приносимаго жизнію, наблюденія, отмѣтки, неустойчивость въ томъ что именно и какъ нужно дѣлать. Тутъ цѣлая удаляющаяся видимость самыхъ разнообразныхъ вещей, открывающаяся превосходною тріумфальною аркою «Бѣдныхъ людей», заставившихъ Некрасова и Григоровича прибѣжать къ Достоевскому ночью и вызвавшихъ возгласъ Бѣлинскаго обращенный къ юношѣ — автору: «да вы понимаете-ли сами, что вы это написали»? Здѣсь, въ этомъ періодѣ, одно уже перечисленіе заглавій, если только заглавія находятся въ органической связи съ самими произведеніями, свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ качаніи Достоевскаго: «Двойникъ», «Слабое сердце», «Честный воръ». «Чужая жена и мужъ подъ кроватью» «Бѣлыя ночи», «Скверный анекдотъ», «Дядюшкинъ сонъ. Изъ мордасовскихъ лѣтописей» и многія другія. Тутъ, въ этихъ работахъ, какъ въ прелюдіи оперы, если уже и слышатся основные, сочные мотивы будущихъ могучихъ гармоній, но есть и много наноснаго, много дани времени, подражанія Гоголю и нѣкоторая доля того чѣмъ отличалась тогдашняя «муза мести и печали», хотя и безъ оскоминной гражданской скорби, только что вступавшей въ тѣ дни въ силу. До этой скорби не опускался Достоевскій никогда.

Въ этомъ періодѣ жизни Достоевскаго, полномъ, благодаря обстоятельствамъ и личной небрежности его, самой тяжкой нужды, когда надъ нимъ висѣла темная ночь четырехлѣтней

каторги («четыре года я былъ», пишетъ онъ въ 1854 году, «похороненъ живой и зарытъ въ гробу»), когда тянулись пять лѣтъ жизни въ Семипалатинскѣ, а затѣмъ тяжелое время въ Москвѣ, когда ему, болѣзненному, не на что было купить пальто и калоши, а счастья семейной жизни первая жена ему не давала; когда надъ нимъ тяготѣла вторая ссылка—четырехлѣтнее пребываніе заграницею и необходимость «доставать 2 талера», когда его возмущалъ полицейскій надзоръ, а кабала издателей чувствовалось ежеминутно и дѣлала изъ него литературную «почтовую клячу», «литературнаго пролетарія», когда, наконецъ, не однократны были, въ особенности въ началѣ, мысли о самоубійствѣ,—Достоевскій, только въ силу крайней энергіи духа, на перекоръ болѣзни, остается на своемъ посту и работаетъ, работаетъ, иногда, чудовищно много. Только временно, въ концѣ этого періода, чувствуетъ онъ приливъ струи свѣжаго воздуха, сознаетъ, такъ сказать впервые, ставъ руководителемъ «Времени», а потомъ «Эпохи», всю ширину своихъ крыльевъ, всю силу своей мощи, весь доступный его широкому взгляду кругозоръ русской жизни.

Второй періодъ, начало котораго почти совпало со вторымъ бракомъ и значительно большею хозяйственностью въ жизни, это періодъ дѣятельности въ Достоевскомъ преимущественно втораго человѣка — трибуна, оратора, проповѣдника, публициста. Открывается этотъ второй періодъ колоссальнѣйшимъ и безсмертнѣйшимъ произведеніемъ его, стоящимъ совершеннымъ особнякомъ въ своемъ скромномъ величіи — «Преступленіемъ и наказаніемъ» (1866 г.), въ которомъ, въ полномъ единеніи, и, если можно такъ выразиться, въ дружномъ благодушествѣ и равновѣсіи, сплелись воедино оба человѣка — великій художникъ и зычный вѣчевой человѣкъ. Далѣе въ быстро слѣдовавшихъ одна за другою замѣчательныхъ работахъ —въ «Идіотѣ» (1868 г.) «Бѣсахъ» (1871 г.), »Подросткѣ» (1875 г.). «Братьяхъ Карамазовыхъ» (1879 г.), и, наконецъ, въ «Дневникѣ писателя» второй человѣкъ окончательно побѣждаетъ перваго и посвящаетъ себя всецѣло изслѣдованію общественныхъ явленій нашей печальной жизни семидесятыхъ годовъ, съ тою глубиною безпощадной діалектики, съ тѣмъ предвидѣніемъ имѣвшихъ совершиться событій, которыя, не только въ нашей литературѣ, но и во всѣхъ другихъ, ищутъ себѣ подобныхъ.

Оглядывая въ совокупности всю сорока-лѣтнюю дѣятельность покойнаго необходимо намѣтить относительно его таланта, какъ

это было сдѣлано относительно жизнеописанія, только нѣкоторыя основныя черты, тѣ именно которыя единственны, исключительны и составляютъ его, и нашу гордость.

Совершенно вѣрно замѣчаетъ Вл. Соловьевъ, что предметъ романовъ Достоевскаго не «*бытъ*» общества, а общественное «*движеніе*»; по мѣткому выраженію Н. Звѣрева, проводящему параллель между Тургеневымъ и Достоевскимъ, первый угадывалъ повороты и намѣчалъ дальнѣйшее движеніе жизни *куда мы идемъ*, а Достоевскій, одаренный даромъ прозрѣнія, изображалъ то *чѣмъ мы кончимъ*; не менѣе характерно заявленіе Н. Страхова что покойный не написалъ и 1/10 доли тѣхъ романовъ, которые задумалъ, такъ быстро, такъ воспріимчиво, такъ органически — заодно, жилось «чувствовавшей мысли» Достоевскаго съ тѣмъ что происходило тогда въ обществѣ. И какъ зорко, какъ пророчески смотрѣлъ онъ на это общество! Кто не помнитъ, а если не помнятъ, то слѣдуетъ обновить въ памяти, что только за два дня до появленія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» описанія преступленія совершоннаго Раскольниковымъ въ «Преступленіи и наказаніи», московскія газеты сообщили объ убійствѣ студентомъ Даниловымъ ростовщика, съ какими то «особыми планами», и что описаніе это близко предшествовало покушенію Каракозова; слѣдуетъ напомнить что «Идіотъ», а вслѣдъ за нимъ «Бѣсы», появились передъ разоблаченіями нечаевскаго процесса, точно будто самъ Достоевскій принималъ въ дѣятельности нечаевцевъ ближайшее участіе, точно будто, въ художественномъ ясновидѣніи своемъ, сжился онъ съ поступательнымъ движеніемъ тогдашней судорожной жизни органически; онъ, Достоевскій, замѣчаетъ Вл. Соловьевъ, предугадывалъ повороты этого движенія и заранѣе судилъ ихъ, на что имѣлъ тѣмъ большее право, «что самъ первоначально испыталъ тѣ уклоненія, самъ стоялъ на той не вѣрной дорогѣ». И это предвидѣніе Достоевскимъ будущихъ событій, было отнюдь не чудомъ, а естественнымъ слѣдствіемъ быстроты и точности работы его мощнаго ума, въ которомъ многое, изъ того что стало для этого ума *давно прошедшимъ*, потому что, какъ передуманное и приведенное къ итогамъ отбрасывалось—виднѣлось для другихъ, многихъ и очень многихъ умовъ, *только въ будущемъ* и далеко еще не наступило.

Н. Страховъ говоритъ совершенно правильно что Достоевскій въ дѣятельности своей шелъ порывами, отдѣльными подъемами, и что этихъ подъемовъ имѣется четыре: «Бѣдные люди»,

«Мертвый домъ», «Преступленіе и наказаніе» и «Дневникъ писателя», и что направляющая его дѣятельности, общая у него съ нашими первоклассными писателями—Ф. Визиномъ, Карамзинымъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ и Гоголемъ та, что, увлекаясь вначалѣ чужимъ, всѣ они обязательно повернулись къ своему, родному. Не менѣе замѣчательно, а для тѣхъ кто расположенъ дѣлать правильныя заключенія — не опровержимо по своимъ выводамъ то, что Гоголь въ «Перепискѣ съ друзьями» и «Исповѣди», пришелъ къ тѣмъ именно общимъ заключеніямъ, на которыхъ кончилъ Достоевскій.

Выше сказано было что значенію болѣзни покойнаго въ характерѣ его творчества, придаютъ, вообще, меньшее значеніе чѣмъ бы слѣдовало. Сказано было также что именно этой болѣзни его слѣдуетъ приписать то лунатическое освѣщеніе, тѣ рѣзкіе и дерзкіе раккурси, тѣ не пропорціональныя освѣщенія и криволинейность фигуръ и типовъ которые, то и дѣло, поражаютъ читателя. Было гдѣ-то замѣчено, что люди нормальные для Достоевскаго «неудобны»; что эксцентрическія идеи тѣснятся въ его фантазіи болѣе чѣмъ «художественные образы»; что «иныя вещи Достоевскаго даютъ столько наслажденія (почти всегда мучительнаго) сколько и какого ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не найдешь»; сказано было также, что никто такъ далеко не заходилъ въ изображеніи всякихъ «паденій души человѣческой» какъ онъ; что главные его герои—«больныя натуры съѣденныя идеею», и что значительная часть публики «боится его романовъ».

Все это, во многихъ отношеніяхъ, правда. Въ длинной вереницѣ скорбныхъ, страдальческихъ образовъ, созданныхъ Достоевскимъ, которые, если-бы ихъ изобразить въ рисункѣ (и что-же, въ самомъ дѣлѣ, дѣлаютъ наши живописцы?), дали-бы нѣчто болѣе новое, болѣе потрясающее чѣмъ знаменитые «пляски смерти» средневѣковой Европы, Достоевскій стоитъ дѣйствительно совершеннымъ особнякомъ. Его смѣлыя обрисовки, его лунатическій колоритъ, чрезвычайно близки къ свѣто-тѣни Рембрандта, Рибейры, Караваджіо и Доминикино, огромное количество работъ которыхъ имѣетъ своимъ предметомъ, какъ и писанія Достоевскаго, всякихъ одержимыхъ, эпилептиковъ, бѣснующихся и т. п. Несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ придавленныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, озлобленныхъ, защемленныхъ, въ этихъ душевно-больныхъ всѣхъ наименованій, которыми кишмя кишитъ творчество Достоевскаго, имѣется на лицо какое-то, если можно такъ выразиться, насиль-

ственное суммированіе зла и печали! но, во-первыхъ, надо вспомнить въ какое страшное, близкое по типу ко времени макабрскихъ плясокъ и самобичующихся среднихъ вѣковъ время, писалъ Достоевскій; во вторыхъ, можно-ли не признать вершительнаго вліянія на покойнаго его болѣзни? въ-третьихъ, кѣмъ и когда признано за возможное упрекать писателя въ томъ, что онъ избралъ для себя ту или другую особенность творчества, упрекать, такъ сказать за тѣ физическія и душевныя черты, которыя дала ему природа? Вопросъ не въ томъ что̀, а ка̀къ изобразилъ писатель то что̀ задумалъ изобразить?

Только ставъ на эту, единственно прочную почву, правильна будетъ оцѣнка покойнаго, и тутъ, дѣйствительно, замѣчаются такія великія очертанія его таланта, которыя могутъ и должны составить славу нашей литературы.

Душевно-больные, какъ сказано, настоящая сфера Достоевскаго. Они, какъ замѣчаетъ докторъ В. Чижъ (значительно преувеличивая), составляютъ ¼ часть его типовъ и доказываетъ, на основаніи наблюденій такихъ спеціалистовъ какъ Pinel, Esquirol, Guislain, Griesinger, Lambroso и Kraft-Ebing, — доказываетъ съ очевидностью поразительною, что покойный былъ великимъ, геніальнымъ психопатологомъ, что онъ, художественнымъ прозрѣніемъ, опередилъ даже точную науку и многое изъ него перейдетъ, несомнѣнно, въ учебники психіатріи. Къ числу такихъ замѣчательностей В. Чижъ относитъ почти совершенно правильно и мастерски объясненныя и развитыя: эпилептическую ауру (Мышкинъ), старческое слабоуміе (старикъ Сокальскій и князь К.), нравственное помѣшательство (Раскольниковъ (?) и Свидригайловъ, Смердяковъ и Иванъ Карамазовъ), противоположеніе страсти и аффекта (во многихъ лицахъ, напримѣръ, въ Дмитріѣ Карамазовѣ), галлюцинаціи (Иванъ Карамазовъ — цѣлая глава), противуположенія аффекта и настроенія (Сокальскій, Алеша ~~Раскольниковъ~~ Карамазов), истерію, извращеніе прихотей, навязчивыя идеи (Лиза Хохлакова), связь религіозности и половыхъ влеченій, наслѣдственность, значеніе пьянства и т. д. Въ высшей степени характерно что В. Чижъ, выставляя въ полный рельефъ безсмертныя заслуги художника для науки, словно для усиленія этого напоминаетъ о томъ, что Гоголь, въ «Запискахъ съумасшедшаго», ясно доказалъ свое незнаніе эмбріологіи и развитія этой болѣзни и что даже Шекспиръ, заставляя Леди Макбетъ погибнуть отъ угрызеній совѣсти, сдѣлалъ крупнѣйшую ошибку, такъ какъ подобныхъ фак-

товъ наука психіатріи — не знаетъ. Изслѣдованія психическихъ болѣзней, по Шекспиру, вызвали, какъ извѣстно, цѣлую литературу; стоитъ вспомнить объ Stark'ѣ и Elze, для того, чтобы оцѣнить значеніе этихъ изслѣдованій и ожидать подобныхъ-же о Достоевскомъ.

Въ другой, совершенно другой отрасли знанія и сердцевѣдѣнія, въ юридической наукѣ, согласно очень вѣскому показанію А. Кони, Достоевскій имѣетъ тоже удивительное значеніе. Въ рѣчи своей, сказанной 2 февраля 1880 г. въ юридическомъ обществѣ, послѣ смерти Достоевскаго, А. Кони указалъ на то, что покойный, давъ въ своихъ работахъ правильный анализъ преступленія въ его внутреннемъ содержаніи, далъ также анализъ типовъ невмѣняемости, останавливался на многихъ процессуальныхъ вопросахъ—о доказательствахъ, о душевно-больныхъ, о мѣрахъ пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, о задачахъ слѣдователя и т. п. и изобразилъ многое, какъ въ преступникѣ, такъ и въ судѣ и наказаніяхъ судомъ налагаемыхъ, такъ правильно, что показанія эти должны быть приняты къ свѣдѣнію наукою юриспруденціи. А. Кони вспомнилъ также о томъ, что подавляющій реализмъ подробностей въ «Преступленіи и наказаніи», получилъ «характеръ какого-то грустнаго и чуткаго предсказанія» въ громкихъ процессахъ Данилова и Лансберга; что «тонкое изображеніе рядомъ двухъ видовъ убійства—предумышленнаго и умышленнаго,—столь близкихъ по формѣ, столь различныхъ по внутренней структурѣ, по происхожденію», что это ихъ «разграниченіе»—«явилось подъ перомъ Достоевскаго за *пять* лѣтъ до того, какъ оно нашло себѣ, наконецъ, законное выраженіе въ вышедшемъ на время изъ своей летаргіи нашемъ Уложеніи о Наказаніяхъ». Достоевскій, заключаетъ А. Кони, «указывая гдѣ правда и какъ находить ее, постоянно повторялъ: милость! милость!» В. Чижъ замѣчаетъ, что, по вопросу о значеніи одиночнаго заключенія, Достоевскій тоже опередилъ науку и указалъ на недостатки постановки экспертизы, недостатки, вызывающіе у насъ такія частыя и нежелательныя попущенія. О значеніи Шекспира для юриспруденціи писали: Ihering, Kohler; вѣроятно изслѣдованіе Достоевскаго, съ этой точки зрѣнія, продолжится и у насъ.

Говоря о значеніи Достоевскаго для юриспруденціи, любопытно было-бы знать какъ помирить отзывъ А. Кони съ тѣмъ, что̀ выразилъ Н. Михайловскій, будто покойный требовалъ наказанія, не только преступнаго дѣянія, но и преступной мысли,

и увѣреніе М. Антоновича, что Достоевскій проповѣдывалъ рабство?! По вопросу о психіатріи, оглядывая, на сколько это возможно, корифеевъ всѣхъ другихъ литературъ, мы находимъ, что эту завидную судьбу прозрѣнія въ науку художествомъ, относительно душевныхъ болѣзней и уголовной практики, раздѣляетъ Достоевскій только съ Шекспиромъ. Уже совершенно одинокимъ, совершенно исключительнымъ, является онъ въ анализѣ душевныхъ явленій, анализѣ направившемъ его къ тому синтезу, къ которому онъ, въ концѣ концовъ, пришелъ. Характерно, что еще въ 1845 году, въ одномъ изъ своихъ писемъ, на первыхъ шагахъ въ литературѣ, покойный писалъ: «во мнѣ находятъ оригинальную струю, состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезомъ. Гоголь-же беретъ прямо цѣлое и отъ того не такъ глубокъ какъ я». Дѣйствительно, съ увѣренностью острѣйшаго скальпа анатома, идетъ мысль Достоевскаго по извивамъ чужой человѣческой души и мысли, какъ только этотъ скальпъ пущенъ имъ въ ходъ для производства vivisecti'и, въ томъ или другомъ направленіи. Нисколько не мѣняется сущность этой особенности мышленія Достоевскаго отъ того, что она имѣла особые, излюбленные пути, такъ сказать свои способы и свою технику, потому что никто такъ далеко какъ онъ не заходилъ въ изображеніи всякихъ паденій души человѣческой и что полнымъ хозяиномъ являлся онъ именно въ изслѣдованіи явленій не нормальныхъ. Духовный міръ человѣческой души, въ особенности въ его болѣзненныхъ отклоненіяхъ, это—настоящая стихія Достоевскаго, въ которой онъ двигался съ быстротою и точностью движенія удивительными. Распластывая, скальпируя, обнажая какое-либо бугорчатое явленіе до очевидности, онъ подсовываетъ его, такъ сказать, подъ какой-то чудовищно-сильный микроскопъ, сильный до того, что смотрѣніе въ него внушаетъ смотрящему холодный ужасъ, и убѣждаетъ въ томъ, что какая-либо еле видимая простымъ глазомъ, чуть замѣтная, черточка, или щелочка, разсматриваемаго объекта, вовсе не черточка—а цѣлый міръ сочетаній, сплетеній или развѣтвленій и что, въ концѣ концовъ, въ этой-то именно, еле видной невооруженному глазу, темной черточкѣ и обрѣтается святая святыхъ доброты и благодати, и что за эти-то именно проблески красоты, покрытые всякимъ загниваніемъ, слѣдуетъ не только прощать, но и любить человѣка. Любить—значитъ поклониться, и въ этомъ-то смыслѣ поклонился Раскольниковъ Сонѣ, пошедшей за нимъ на каторгу, Сонѣ, любовь которой къ людямъ воскресила, или, пра-

вильнѣе, пробудила въ немъ вѣру въ человѣка. Поклонившись ей Раскольниковъ сказалъ: «я не тебѣ поклонился, а всему страданію человѣческому поклонился», и вотъ, съ преступникомъ Раскольниковымъ за одно кланяется Сонѣ въ ноги и читатель, который, несомнѣнно и во многомъ, тоже преступникъ, тоже, такъ или иначе, вызывалъ страданія человѣческія. Объ этомъ невидимомъ поклоненіи безчисленныхъ читателей, объ этой сильнѣйшій побѣдѣ, когда либо одержанной художникомъ, Достоевскій, при описаніи поклоненія Раскольникова, благоразумно и любезно умалчиваетъ, но за то во всю мощь своего богатырскаго голоса говоритъ онъ объ этомъ поклоненіи, въ другой формѣ конечно, въ пушкинской рѣчи, когда восклицаетъ: «смирись гордый человѣкъ, потрудись праздный человѣкъ!»

О необычайной силѣ анализа Достоевскаго говорено много, а будетъ говорено гораздо больше; онъ такъ поразительно великъ и остръ, что равнаго ему, у всѣхъ писателей міра, не пріискать; близокъ къ нему только анализъ графа Л. Толстаго. Эта необычайная сила, чтобы развиться, должна была имѣть, помимо своей причинности въ условіяхъ физіологическихъ, еще и большую практику. Въ этомъ отношеніи достойны большаго вниманія слова Н. Страхова относительно того, что въ поѣздку за границу, въ 1862 году, «Достоевскаго не занимали особенно ни природа, ни историческіе памятники, ни произведенія искусства, за исключеніемъ развѣ самыхъ великихъ», что, во Флоренціи, напримѣръ, онъ «не добрался даже до Венеры Медицейской», потому что «все вниманіе его было устремлено на людей, и онъ схватывалъ только ихъ природу и характеръ... Его интересовали люди, исключительно люди, съ ихъ душевнымъ складомъ, съ образомъ ихъ жизни, ихъ чувствъ и мыслей». И это продолжалось во всю жизнь Достоевскаго, изъ которыхъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ лицомъ къ лицу съ нашей бѣсовщиной и крамолой. Практика очень внушительная и очень большая. О ней, о его наблюдательности, помнятъ и всѣ тѣ, кто встрѣчался съ Достоевскимъ, кто помнитъ его довольно угрюмый, но мягкій, задумчивый, кроткій взглядъ, его обычную, созерцающую молчаливость, только изрѣдка прерываемую такими неожиданностями, такими вспышками, какъ та, что имѣла мѣсто на знаменитомъ либеральномъ обѣдѣ, данномъ Тургеневу въ 1879 году.

Несомнѣнно, что природа души человѣческой, въ особенности въ адскомъ величіи явленій ненормальныхъ, въ тѣхъ сокровеннѣйшихъ ледникахъ и кратерахъ ея, до которыхъ добирался

только одинъ Достоевскій, безконечно разнообразнѣе природы внѣшней, которая, все таки, такъ или иначе, можетъ быть раздѣлена на слои, царства, разряды и подведена подъ рубрики. Не удивительно по этому, что, чувствуя въ себѣ силы на бо̀льшее, покойный какъ-бы уклонился отъ того что̀, сравнительно, мельче и легче, и что описательная часть въ работахъ его очень слаба; въ этомъ отношеніи онъ далеко уступаетъ Тургеневу, графу Л. Толстому и, даже, нѣкоторымъ другимъ. Достоевскій, собственно говоря, даже не любилъ деревни и картинъ природы, подобно тому какъ любилъ ихъ Тургеневъ, или товарищъ покойнаго по училищу Д. Григоровичъ, начавшій съ «Антона Горемыки» и «Деревни». Только въ городахъ, въ душныхъ центрахъ дѣйствительности, въ непосредственномъ соприкосновеніи цинизма, ханжества, роскоши, безумія, разврата и бѣдности, складываются и взростаютъ особенно ярко всѣ тѣ отклоненія души человѣческой, въ изслѣдованіи которыхъ Достоевскій вполнѣ хозяинъ; онъ самъ тоже живетъ въ этой атмосферѣ міазмовъ, и только чуткость его таланта позволяетъ ему замѣчать окружающіе его міазмы, не поддаваясь имъ. А что міазмамъ этимъ можно поддаться, и поэтому не замѣчать ихъ, лучшими доказательствами могутъ служить нѣкоторыя мнѣнія его критиковъ. Чему-же какъ не тупости обонянія, какъ не зараженію окружающими міазмами приписать, напримѣръ, то, что разбирая «Бѣсовъ» и всѣхъ этихъ юношей (Верховенскій, Ставрогинъ, Кирилловъ, Шигалевъ), замышляющихъ крамолу и убійство, созерцая въ нихъ живые портреты, сколки съ типовъ людей многократно фигурировавшихъ въ политическихъ процессахъ и на эшафотѣ, типовъ, узнаваемыхъ въ романѣ Достоевскаго до поразительности впечатлѣнія правды — одинъ изъ цѣнителей спрашиваетъ: «съ кого писалъ эти портреты Достоевскій, гдѣ слышалъ эти разговоры» и утверждаетъ, что покойный не имѣлъ права выдавать ихъ за «типы современной (къ счастью только тѣмъ днямъ) молодежи»?

Выше было упомянуто, что, отъ дѣтства начиная, до самыхъ послѣднихъ дней, Достоевскій страстно любилъ поэзію, что ему, при вѣчномъ накипаніи новыхъ мыслей, медленная обработка формы стиха была не по плечу, что по этому обратился онъ къ прозѣ, къ роману и повѣсти, а затѣмъ, въ силу той-же необходимости говорить скорѣе—къ публицистикѣ. Но это ни сколько не мѣшаетъ ему быть и оставаться поэтомъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что изъ произведеній покойнаго можно-бы бы-

ло выбрать огромное количество превосходнѣйшихъ поэтическихъ мыслей, образовъ, думъ, настроеній, чувствъ и страсти, вполнѣ пригодныхъ для цѣлаго цикла своеобразнѣйшихъ стихотвореній; эти мѣста, такъ сказать, почти готовыя стихотворенія въ прозѣ, вставленныя отдѣльными яркими, цвѣтными камешками на широкихъ плоскостяхъ мозаикъ, его длинныхъ, часто слишкомъ длинныхъ, работъ; въ этихъ стихотвореніяхъ встрѣтилось-бы, конечно, много повтореній, разъигрываній на туже тему, что̀ очень естественно и вполнѣ соотвѣтствуетъ основамъ таланта покойнаго, но это нисколько не помѣшало-бы ихъ безотносительному достоинству. А какъ много сценъ и сценокъ для живописи имѣется въ пестрой, поучительной жизни покойнаго? надо было видѣть его, окруженнаго дѣтьми, говоритъ А. Кони, «какъ видѣлъ его я въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и въ камерахъ Литовскаго замка, — слышать его безъискусственный разговоръ, безъ чуждо-звучащаго для дѣтей «вы», и ихъ просьбы «поговорить еще» или «пріѣхать опять», чтобы понять, какая сила внутренняго сродства съ душою «малыхъ сихъ» жила въ его многолюбящей душѣ». И дѣйствительно Достоевскій горячо любилъ дѣтей, видя въ нихъ возможность лучшаго будущаго и отвелъ имъ, въ своихъ произведеніяхъ, очень видное мѣсто, на что и обращено было вниманіе О. Миллеромъ и разъяснено въ особой статьѣ: «Дѣти въ сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскаго».

Несомнѣнно, что кромѣ дѣтей, въ безсчетныхъ ликахъ людей одержимыхъ психической гангреной, въ вереницахъ всякихъ оскорбленныхъ, ожесточенныхъ, дерзающихъ и придавленныхъ, фигуръ страдальчески - грустныхъ и безумнодерзкихъ, фигуръ шествующихъ одна во слѣдъ другой, какъ было очень хорошо сказано Звѣревымъ, по тремъ стадіумамъ жизни души страждущей: отрицанія вѣрующаго («Преступленіе и наказаніе»), отрицанія знающаго («Бѣсы») и отрицанія сомнѣвающагося въ себѣ («Братья Карамазовы»), все-таки особенно четко выдѣляются нѣкоторые излюбленные, чаще другихъ занимающіе Достоевскаго образы. Такъ—женщина взбалмошная, обаятельная, властная до жестокости, имѣется въ Полинѣ («Игрокъ»), Настасьѣ Филиповнѣ («Идіотъ»), Грушенькѣ и Катеринѣ Ивановнѣ («Братья Карамазовы») и Варварѣ Петровнѣ («Бѣсы»); противуположный типъ добраго, любящаго до самозабвенія женскаго сердца—это Нелли и Наташа («Униженные и оскорбленные»), мать Раскольникова и Соня («Преступ-

леніе и Наказаніе»), Хроменькая («Бѣсы») Неточка Незванова, жена Макара Ивановича («Подростокъ»); дерзающіе на все циники—Свидригайловъ («Преступленіе и наказаніе»), Ставрогинъ («Бѣсы»), Лебедевъ («Идіотъ»), Князь («Униженные и оскорбленные») и Карамазовы—отецъ и сынъ Дмитрій; атеисты—Великій Инквизиторъ, Кирилловъ и разные оттѣнки многихъ другихъ; нѣсколько бѣдныхъ чиновниковъ и т. д.; подробный перечень душевно-больныхъ, составляющихъ главный контингентъ, какъ сказано выше, сдѣланъ докторомъ В. Чижомъ.

М. Антоновичъ назвалъ монастырскаго старца Зосиму, въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», «псевдонимомъ» Достоевскаго. Это, отчасти, справедливо, но не въ томъ смыслѣ, какой имѣлся въ виду при этомъ заключеніи. Зосима, дѣйствительно, до того много принялъ въ душу свою откровеній, сокрушеній, сознаній, что подъ конецъ пріобрѣлъ прозорливость и могъ угадывать; нѣчто подобное имѣлось и въ Шекспирѣ. Въ послѣдніе годы жизни покойный, какъ извѣстно, былъ заваленъ письмами отъ всякихъ нуждающихся и обремененныхъ и могъ, конечно, будучи великимъ серцевѣдомъ, утѣшать, наставлять и давать хорошіе совѣты. И на это имѣлъ онъ неоспоримое право, потому что, въ дополненіе того что̀ перечувствовалъ онъ и переиспыталъ въ своей дѣйствительной жизни, сколько терзаній долженъ былъ онъ вынести въ душѣ своей, при замыслѣ и воспроизведеніи тѣхъ типовъ которые выведены имъ въ такихъ темныхъ безотрадныхъ краскахъ и въ такомъ огромномъ количествѣ? А если принять въ расчетъ вѣчную, мучительную болѣзнь Достоевскаго, его съ юности слабое здоровье, то становится понятною справедливость сказаннаго о немъ В. Буренинымъ, что нѣтъ: «въ нашей литературѣ другаго характера болѣе мощнаго и крѣпкаго», и что Достоевскій былъ у насъ—«великою нравственною силою».

Если вышеприведенныя отличительныя черты таланта покойнаго помѣчены, какъ и его жизнь, многими рѣзкими особенностями, ему одному принадлежащими и дѣлающими его, отошедшую въ былое, фигуру такою поразительно своеобразною, то не менѣе исключительнымъ, самостоятельнымъ является, какъ было уже сказано, въ самомъ концѣ его дѣятельности «Дневникъ писателя». Послѣдній нумеръ «Дневника» распродавался на улицѣ, въ то время когда похоронная процессія съ тѣломъ автора направлялась къ мѣсту его послѣдняго успокоенія. «Дневникъ» начался изданіемъ въ 1876 году и имѣлъ толь-

ко одного сотрудника — самаго Достоевскаго. Ко времени появленія перваго нумера покойный стоялъ передъ лицомъ русской земли въ полной силѣ своего таланта, съ твердою и ясною увѣренностью въ мысли и сердцѣ, пріобрѣтенными долгими годами думанія, чувствованія и труда, признанный всѣми, знавшій о чемъ и кàкъ говорить и богатый слушателями въ Великой, Малой и другихъ Россіяхъ. Еще не успѣвъ напечатать въ 1875 году «Подростка» и приступивъ къ обдумыванію и писанію своего самаго объемистаго романа «Братья Карамазовы», Достоевскій, вѣрный себѣ, не могъ довольствоваться этимъ медленнымъ трудомъ, этою кабинетною работою. Завершался смутный, тяжкій, искусственный, свистомъ и крамолою вызванный къ жизни, періодъ развитія нашей интеллигенціи. На верху, въ высшихъ сферахъ, сидѣли люди по душѣ не русскіе; въ литературѣ видныя роли играли инстинкты правовыхъ и псевдолиберальныхъ порядковъ, замыслы федеративности; въ молодежи, болѣе другихъ зараженной гангреною нигилизма, еще назрѣвали самые кровавые, послѣдніе дѣятели. Тѣмъ не менѣе, хотя еще не совершилось 1 Марта, но ослабленіе крамолы все-таки чувствовалось и можно было подводить итоги, дѣлать изъ нихъ заключенія. Покойный, за все истекавшее тогда скорбное время, былъ наиболѣе виднымъ, наиболѣе откровеннымъ бойцомъ противъ всѣхъ этихъ золъ, и самостоятельная рѣчь его, воплощавшаяся въ «Дневникѣ», не могла быть не слышна и не замѣчена.

И могъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, Достоевскій, въ силу того что еще въ юности, еще только въ чаяніи того, что ему придется «много дѣлать», онъ уже считалъ необходимымъ «постоянно подавать свой голосъ съ цѣлью подѣйствовать на читателя»; если, въ болѣе зрѣлое время, ему дѣйствительно удалось, и очень вѣско, подавать свой голосъ при редактированіи «Времени» и «Эпохи»; если онъ убѣдился на опытѣ что «журналъ— великое дѣло!» могъ-ли онъ въ эти смутные дни, при вѣчномъ накипаніи мыслей, при возможности перейти отъ анализа къ синтезу, при неясномъ, можетъ быть, чаяніи близкой смерти своей, ограничиться тихою поступью шествія въ печать романа? Конечно нѣтъ, потому что все таки—не все скажешь и не такъ скажешь, какъ бы хотѣлось. Хотя, по свидѣтельству А. Суворина, Достоевскій «еще передъ самою смертью думалъ обратить одинъ изъ эпизодовъ «Братьевъ Карамазовыхъ» въ драму, думалъ продолжать романъ, героемъ котораго былъ бы Алеша

Карамазовъ, какъ типъ русскаго соціалиста», т. е. все таки не покидалъ романа, но тѣмъ на менѣе «Дневникъ», въ послѣдніе годы жизни, былъ для покойнаго главнымъ, любимымъ, сердечно нравившимся предметомъ. Въ него полагалъ онъ всю свою душу и «Дневникъ» сдѣлалъ свое. Къ слову сказать, «Дневникъ» названъ былъ, не неудачно, «комментаріемъ» къ предшествовавшимъ ему «Бѣсамъ». Въ 1881 году онъ печатался уже въ 8000 экземпляровъ и это при томъ условіи, что пестрый и неискренній Петербургъ не любилъ и не могъ любить «Дневника».

Въ «Дневникѣ», помимо того что это типичнѣйшая автобіографія типичнѣйшаго человѣка, дѣйствовавшаго въ очень любопытное время, имѣются взгляды Достоевскаго на многіе изъ крупнѣйшихъ вопросовъ русской жизни. Если-бы жизнь автора длилась дольше, то отвѣты имѣлись-бы на большее число ихъ, и такъ какъ, по совершенно справедливому замѣчанію Н. Страхова, Достоевскій всегда и во всемъ «прежде всего былъ всетаки художникомъ, мыслилъ образами и руководился чувствами», то и на холодныхъ и скучныхъ, повидимому, путяхъ чистой публицистики даетъ онъ вещи удивительныя. Прямота и ясность мысли одна изъ отличительнѣйшихъ чертъ «Дневника» и этому, опять таки, есть своя причина, потому что къ Достоевскому можно примѣнить вполнѣ слова, сказанныя имъ самимъ когда-то объ А. Григорьевѣ: онъ не раздваивался и не могъ, какъ герои нашего времени, «одной своей половиной тосковать, а другой своей половиной только наблюдать тоску первой половины», вотъ почему вышелъ его «Дневникъ» созданіемъ цѣльнымъ, суммирующимъ, настоящимъ знаменемъ сторожеваго полка.

А. Суворинъ, описавшій послѣднее свое посѣщеніе Достоевскаго, сообщаетъ о разговорѣ имѣвшемъ при этомъ мѣсто, о томъ, что покойный намѣревался выступить въ «Дневникѣ» съ финансовою статьей, что онъ дѣйствительно и сдѣлалъ; онъ сообщаетъ, что Достоевскій «въ особенности распространялся въ этомъ разговорѣ о своемъ любимомъ предметѣ—о земскомъ соборѣ, объ отношеніяхъ Царя къ народу, какъ отца къ дѣтямъ»... «У насъ», говорилъ онъ, «возможна полная свобода, какой нигдѣ нѣтъ и все это безъ всякихъ революцій, ограниченій, договоровъ, полная свобода совѣсти, печати, сходокъ»; далѣе вспоминается о томъ, что Достоевскій называлъ «конституцію»—«господчиною», характеръ которой изобразилъ, какъ-бы на проща-

ніе, въ послѣднемъ нумерѣ «Дневника» одною характерною строчкою какого-то стихотворенія:

«А народъ опять скуемъ»....

«Кто вчитывался въ сочиненія Достоевскаго», замѣчаетъ А. Суворинъ, «кто понималъ его типы, надъ которыми точно проклятіе какое, тяготѣла мрачная судьба, какая-то сѣрная, удушающая, коверкающая, почти до безумія доводящая атмосфера, кто понималъ, что надъ всѣми этими несчастными звучитъ сострадательное, теплое, призывающее къ миру и любви слово писателя, психолога и мыслителя, тотъ убѣждался въ томъ, что не деревянными фразами, бездушными и ординарными, не звонкой строкой передовой статьи изображалъ онъ эту атмосферу, а страницами полными огня, чувства, глубокаго проникновенія въ сердцѣ человѣка, словами проповѣди».

Имѣется слѣдующій разсказъ И. Аксакова: у него сидѣлъ однажды Достоевскій и велъ разговоръ объ Императорѣ Николаѣ I, о которомъ онъ отзывался съ величайшимъ уваженіемъ; вошелъ Меккензи Уоллесъ, извѣстный путешественникъ; хозяинъ познакомилъ ихъ, и Достоевскій продолжалъ характеристику Николая I. Когда Ѳедоръ Михайловичъ ушелъ, Уоллесъ спросилъ Аксакова: не авторъ-ли это «Мертваго Дома»?

— Да.

— Не можетъ быть! Вѣдь онъ былъ сосланъ въ каторгу?

— Былъ, ну, что-же?

— Да какъ-же онъ можетъ хвалить человѣка, сославшаго его на каторгу?

— Вамъ, иностранцамъ, это трудно понять, отвѣчалъ Аксаковъ,—а намъ это понятно, какъ черта вполнѣ національная.

Другой случай. Въ послѣднемъ ноябрѣ или декабрѣ, который назначено было Достоевскому пережить, онъ находился какъ-то на балу въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Молодежь, такъ много отрезвившаяся къ тому времени, именно благодаря ему, молодежь, которую онъ всегда такъ искренно любилъ, принимала его съ любовью и съ трепетомъ сердечнымъ и окружала густымъ кольцомъ. «Мы стали говорить», объясняетъ самъ Достоевскій, «затѣяли споръ. Они просили, чтобы я говорилъ имъ о Христѣ. Я имъ сталъ говорить и они внимательно слушали».

Проповѣдь о Христѣ на балу, нисколько не вспугиваемая музыкою и танцами, которымъ она, въ свою очередь, не мѣшаетъ!

Похвала власти сославшей въ каторгу! Да гдѣ-же это можетъ имѣть мѣсто кромѣ Россіи, этого «милаго больнаго», изъ котораго въ свой срокъ, какъ говорилъ покойный, «выйдутъ всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, вся эта мерзость *загноившаяся на поверхности*, накопившіяся въ немъ за вѣка, за вѣка... выйдутъ и больной исцѣлится и «сядетъ у ногъ Іисусовыхъ».

Многаго не досказалъ Достоевскій, но многое сказалъ онъ, сказалъ окончательно, сказалъ хорошо. Что-бы ни говорили, но русскій народъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Провидѣнія, въ ряду другихъ народовъ, является несомнѣнно совершеннымъ особнякомъ. Въ этомъ не хвастовство, а только поводъ къ самоизученію. Съ особенною яркостью выдѣляются въ нашемъ народѣ *три основныя, существенныя, исключительно ему принадлежащія черты*. Еще въ 1861 году, въ объявленіи объ изданіи «Времени», Достоевскій говорилъ что «можетъ быть русская идея будетъ синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя развивала Европа, потому что не даромъ-же говоримъ мы на всѣхъ языкахъ, понимаемъ всѣ цивилизаціи, сочувствуемъ интересамъ каждаго европейскаго народа», чего, положительнѣйшимъ образомъ, нѣтъ ни у кого другаго. Другая исключительная черта наша, многократно указываемая Достоевскимъ и упорно проводимая имъ въ словѣ и на дѣлѣ на всѣ лады, это существующее въ народѣ нашемъ сознаніе своей «грѣховности», сознаніе, объясняющее очень хорошо почему мы такъ легко прощаемъ, такъ склонны къ самобичеванію, неумѣемъ возводить своего несовершенства въ законъ, не можемъ признавать такъ называемыхъ «правовыхъ порядковъ» и рады нести крестъ внутренняго очищенія и внѣшняго подвига, даже на перекоръ своему собственному «Я». Третья черта это наше православьe никогда и нигдѣ, подобно католичеству и лютеранству (чтобы не говорить о другихъ), не выступавшее въ качествѣ религіи воинствующей. Эти три основныя черты, которыхъ положительно нѣтъ въ другихъ народахъ, какъ сказано, не добродѣтель, а только особенность, съ которою нельзя не считаться. Выкинуть, вычеркнуть, непризнать ихъ нельзя, а если признать, то яснѣютъ, какъ-бы въ туманѣ—«всенародный подвигъ» «всечеловѣчество», возникающіе только въ Россіи, а не въ другой какой-либо странѣ—т. е. именно тò о чемъ мечталъ, думалъ и проповѣдалъ Достоевскій. Самая возможность появленія и признанія такихъ людей какъ Достоевскій служитъ только однимъ изъ доказательствъ правды сказаннаго. Достоевскій ни въ какой другой странѣ немыслимъ;

проповѣдь о Христѣ на балу, безъ нарушенія бала, похвала той власти, которая загнала человѣка въ каторгу, это, несомнѣнно, чисто русскія, для другихъ не вѣроятныя, возможности. Развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, говоря по правдѣ и совѣсти, не евангельскій путь, а что-же найдется въ подлунной выше Евангелія?

Понимали это истинно русскіе люди всегда; болѣе всего уяснилъ это Достоевскій... Вотъ почему относился онъ такъ ревниво ко всему что̀ способно разрушить эти счастливыя особенности русскаго народа. Вотъ почему съ такою нервностью встрѣтилъ онъ мысль примѣненія у насъ того что̀ называется «парламентскою жизнью» на западѣ, вотъ почему ратовалъ онъ противъ всего что подтачивало существеннѣйшія основы русскаго бытія—православіе и самодержавіе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ для него сливались воедино: крамольные нигилисты, литературные люди «правовыхъ порядковъ», евреи и польщизна—повинные въ двухъ повстаніяхъ и въ снабженіи силами крамолы и, наконецъ, балтійскіе нѣмцы, недавшіе за сто лѣтъ подчиненія ихъ Россіи, да и за всю свою болѣе чѣмъ пятисотлѣтнюю исторію, ни единаго таланта, но множество очень видныхъ, всегда гнувшихъ въ сторону привиллегій и сепаратизма и тѣмъ противорѣчившихъ единому духу Россіи—администраторовъ. Вѣчевой человѣкъ и православный христіанинъ Достоевскій зналъ какъ надо говорить обо всемъ этомъ и говорилъ... до разрыва сердца.

Читатель, вступающій въ «Адъ» Данта, приглашался «оставить всѣ надежды». Читатель, принимающійся за Достоевскаго, идетъ тоже не на радости, но если онъ будетъ помнить, а ему необходимо помнить это, сколько юношей и женщинъ отклонилъ Достоевскій отъ гангрены нигилизма, въ сколькихъ умахъ поднялъ онъ добрую работу мысли на предметъ изученія и любви къ Россіи, какъ ясно и твердо проводитъ онъ человѣка отъ отрицанія *вѣрующаго*, черезъ отрицаніе *знающее*, къ отрицанію *сомнѣвающемуся* въ себѣ, т. е. къ тому, что требуется, къ выводу положительному, къ твердой вѣрѣ въ добро, трудъ и прощеніе,—тотъ, одолѣвъ сочиненія Достоевскаго, станетъ другимъ, лучшимъ человѣкомъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о службѣ Достоевскаго, славѣ русской литературы заграницею. На *нѣмецкій* и *французскій* языки переведены, и неоднократно, *всѣ* главнѣйшія и множество мелкихъ вещей его; на *англійскій*—«Преступленіе и наказаніе»,

«Идіотъ»,«Записки изъ мертваго дома»(дважды);на *италіанскій*— «Записки изъ мертваго дома»; на *шведскій*:—«Преступленіе и наказаніе», «Униженные и оскорбленные», «Записки изъ Мертваго Дома», «Подростокъ»; на *финскій*—«Кроткая»; на *норвежскій*—«Преступленіе и наказаніе»; на *чешскій*—«Записки изъ Мертваго дома» и «Неточка Незванова»; на *датскій*—«Преступленіе и наказаніе»; на *польскій* «Преступленіе и наказаніе» (могло бы быть переведено больше?); на *сербскій*—«Бѣдные люди» и на *венгерскій*—«Преступленіе и наказаніе», «Подростокъ» и «Бѣлыя ночи».

К. Случевскій.

7 Февраля 1889 года.
